This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

KF
17878
NEDL TRANSFER
HN 4T1J 7

Strakhov, N
Bednost' nashei literatury

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

БѢДНОСТЬ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. СТРАХОВА.

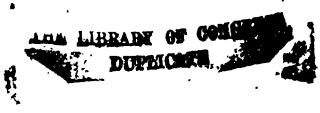
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Digitized by Google

KF17878

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 14-го апрѣля 1868 г.



Въ типографіи Н. Неклюдова. В. О., 8 л., д. № 25.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Различныя стороны нашей бѣдности 1

II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы 11

III. Современная бѣдность 22

IV. Общій ходъ нашей литературы 30

V. Нигилизмъ. Причины его происхожденія и силы 45

VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сокровищѣ нашей литературы. 54

VII. Вредный характеръ нашей литературы . . . 68

Digitized by Google

Digitized by Google

I. Различныя стороны нашей бѣдности.

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитіе:

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Эта старая пѣсня — нѣтъ-нѣтъ да и отзовется у насъ особенно громко, какъ будто что-то новое. Непонятною для насъ самихъ силою держится Русь, съ непонятною для насъ самихъ крѣпостію выдерживаетъ она разныя испытанія и дѣлаетъ успѣхи и пріобрѣтенія. И при каждомъ такомъ случаѣ, при каждомъ испытаніи, при каждомъ успѣхѣ, въ насъ болѣзненно пробуждается сознаніе нашей духовной несостоятельности, и мы восклицаемъ: «какъ мы бѣдны мыслью и духомъ!»

Мы чувствовали себя почти польщенными, когда, по случаю нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи, какой-то англійскій журналъ замѣтилъ, что нужно радоваться нашимъ пріобрѣтеніямъ въ этихъ дикихъ странахъ, ибо-де русскіе все-таки народъ цивилизованный и принесутъ порядокъ и миръ въ эти дикія населенія. Во время послѣдняго польскаго возстанія долго мы перебирали оружіе нашего духовнаго арсенала, какъ выражался одинъ журналъ, и остались весьма недовольны его скудостію. Вотъ и теперь пріѣздъ къ намъ славянъ и успѣхи нашего языка и нашего вліянія въ славянскихъ земляхъ опять возбудили въ

Digitized by Google

насъ стыдъ и смущеніе. Газета «Москва» уже не одинъ разъ напоминаетъ намъ, что мы должны печалиться и чувствовать себя униженными. Почему Россія и русскій языкъ такъ притягиваютъ славянъ? Что мы для нихъ? «Многочисленное племя—отвѣчаетъ Москва (см. 1867 г. № 86)—независимая держава, внѣшняя сила, возможность вещественной защиты отъ угнетеній — и только!» «Но гдѣ же самостоятельное притяженіе, которое долженъ бы оказывать нашъ языкъ на соплеменныя народности въ силу своего историческаго призванія?» «Нравственно покорить можетъ только внутреннее содержаніе языка, духовная жизнь, въ немъ проявляющаяся, отраженіе въ немъ общественныхъ нравовъ, науки, искусства, словомъ — литература. Итакъ, какой печальный приговоръ надъ нашей литературой произносится настоящими событіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ какой приговоръ произносится и надъ всею жизнію, въ ней отражаемою! Какой урокъ, какое предостереженіе дается намъ на будущее время!»

Итакъ, и радость намъ не въ радость, а въ стыдъ; лестное, по видимому, событіе не подымаетъ нашей народной гордости, не прибавляетъ намъ самоувѣренности, а, напротивъ, наводитъ уныніе... Явленіе, надъ которымъ стóитъ остановиться. Нельзя сказать, чтобы оно было слишкомъ просто, чтобы мы вполнѣ ясно понимали его источники и хорошо видѣли, къ чему должны насъ вести подобныя печальныя настроенія.

Нѣтъ сомнѣнія, важную роль играетъ здѣсь та постоянная потребность самоосужденія, самообличенія и даже самооплеванія, которая составляетъ одну изъ чертъ русскаго характера. Самодовольство и самовосхваленіе для насъ нестерпимы; напротивъ, для насъ составляетъ пріятное препровожденіе времени всячески казнить самихъ себя, не давать себѣ ни въ чомъ пощады, прилагать къ себѣ самыя высокія требованія. Малымъ насъ не удовлетворишь; шагъ за шагомъ мы идти не умѣемъ; подавай намъ все сразу, а не то мы и слушать, и смотрѣть не станемъ. И такъ-какъ за маленькимъ гоняться не стóитъ, а большое не такъ

Digitized by Google

то легко дается, то мы и предпочитаемъ сидѣть сложа руки и — ругаться.

Куда насъ приведетъ подобное настроеніе, это одинъ Богъ вѣдаетъ. Требовательность къ самому себѣ, недовольство собою — конечно, черты прекрасныя, подающія хорошую надежду. Но оставимъ эту таинственную точку зрѣнія, съ которой особенность народнаго характера можетъ быть истолкована равно и въ хорошую и въ дурную сторону. Возьмемъ дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ и простыхъ.

Чувство нашей духовной несостоятельности еще не есть доказательство такой несостоятельности. Оно вѣдь прежде всего свидѣтельствуетъ только, что мы не можемъ разсмотрѣть, состоятельны мы или нѣтъ. Можетъ быть, мы вполнѣ состоятельны въ духовномъ отношеніи; русскому человѣку хочется въ это вѣрить; даже, въ сущности, онъ не можетъ этому не вѣрить, если не желаетъ лишиться всякой опоры для своей мысли и дѣятельности. Но вполнѣ достовѣрно то, что мы не сознаемъ этой состоятельности и, если она есть, не умѣемъ ни видѣть ее ясно и отчетливо, ни выражать ее опредѣленно и твердо. Сколько было писано, напримѣръ, по польскому вопросу! Казалось, всѣ стороны его были взвѣшены и разобраны. А между тѣмъ, едва-ли сдѣлались ходячими и прочно утвердились въ нашихъ умахъ тѣ черты его, въ силу которыхъ видно, что польское дѣло рѣшено исторіею въ нашу пользу вслѣдствіе нашего нравственнаго превосходства надъ поляками, а не въ слѣдствіе одного перевѣса внѣшней силы. Еще недавно, на славянскомъ съѣздѣ, какимъ яркимъ и неожиданно-рѣшительнымъ показался простой аргументъ князя Черкасскаго: пусть поляки въ Галиціи сдѣлаютъ для крестьянъ то, что́ русскіе сдѣлали для польскихъ крестьянъ въ Польшѣ!

Итакъ, первая наша бѣдность есть бѣдность сознанія нашей духовной жизни. Мы одинаково не знаемъ ни ея дурныхъ, ни ея хорошихъ сторонъ, и осуждаемъ ее огуломъ, безъ разбора. Драгоцѣннѣйшія черты этой жизни,

Digitized by Google

прекраснѣйшіе ея зачатки для насъ неясны, и потому все равно что не существуютъ.

Легко видѣть, что изъ недовѣрія къ своей духовной жизни, изъ сомнѣній въ ея состоятельности, должны возникать нѣкоторыя печальныя слѣдствія. Необходимо возникаетъ пренебреженіе къ ея явленіямъ, высокомѣрное и невнимательное отношеніе къ нимъ. Что́ бы ни совершалось вокругъ насъ, какія бы формы ни принимала та трудная, глубокая и медленная борьба, которая называется жизнью, мы ничего не удостоиваемъ полнаго вниманія, все считаемъ пустяками. Презрительно смотримъ мы на движеніе, вокругъ насъ совершающееся; ни къ чему у насъ нѣтъ теплаго, живаго участія. Такимъ образомъ, вторая наша бѣдность есть бѣдность уваженія и безпристрастія, совершенная потеря способности цѣнить явленія по ихъ достоинствамъ; а на мѣсто ея намъ дана одна способность пренебрегать и осуждать.

При этомъ обнаруживается почти полный недостатокъ чувства собственной отвѣтственности, того чувства, которое одно можетъ быть плодотворно при такомъ положеніи вещей. При мысли о нашей духовной бѣдности, казалось бы, каждому должна приходить на умъ его собственная духовная бѣдность; казалось бы, каждый долженъ былъ смиряться и употреблять всѣ усилія, чтобы накопить кой-какія богатства и уйти отъ общаго приговора. Но ни чуть не бывало. Роль судьи такъ легка и соблазнительна, что всѣ лѣзутъ въ судьи, и эти судьи забываютъ, что они въ то же время и подсудимые. Никто не припоминаетъ предложенія, нѣкогда посрамившаго строгихъ судей: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть броситъ первый камень». Невозможно иногда надивиться при видѣ того, изъ какихъ тучь летятъ у насъ камни и громы. Не люди, богатые духовными силами, укоряютъ другихъ въ бѣдности и бездѣйствіи, а, напротивъ, бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ подымаютъ хулу на тѣхъ, кто еще кой-что имѣетъ и кой-что дѣлаетъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, чувство нашей духовной бѣдности, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, порождаетъ у насъ явленія, не подстрекающія и усиливающія наше развитіе, а напротивъ, такія, которыя его задерживаютъ и подавляютъ. По евангельской притчѣ о талантахъ, всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго отымется и то, что́ онъ имѣетъ. Будучи бѣдны духовною жизнью, мы, въ то же время, оказываемся бѣдными ея сознаніемъ, уваженіемъ къ ея явленіямъ и чувствомъ собственной отвѣтственности.

Дѣло будетъ яснѣе, если мы приложимъ эти сужденія къ болѣе опредѣленному предмету. Заговоривъ о нашемъ духовномъ безсиліи, «Москва», въ частности, коснулась нашей литературы, и вотъ какими чертами характеризуетъ она ея бѣдность (см. 1867 г. № 97).

«Приступитъ славянинъ къ нашему письменному богатству — что́ же онъ найдетъ? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій — больше изъ диссертацій, обезпечивающихъ вступленіе въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ разсказовъ г. Успенскаго и отчасти драмъ самого г. Островскаго — этихъ попытокъ дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, неотличающихся вѣрностію подлинникамъ; еще болѣе бельлетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и tutti quanti — недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. И только. Академія издаетъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты съ благоразумной экономіей остерегаются давать публикѣ, пропорціонально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что́ даютъ пропорціонально числу своихъ дѣятелей заграничные университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣтствѣ, а въ младенчествѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, съ чего должно начинать учиться; публицистика не въ авантажѣ обрѣдается... Немного и непривлекательно...»

Digitized by Google

Затѣмъ «Москва» начинаетъ мечтать, что́ будетъ если русская рѣчь, какъ теперь можно надѣяться, получитъ въ славянскихъ земляхъ полное гражданство, и русскій языкъ распространится въ населеніяхъ этихъ земель.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ — говоритъ Москва — разовьется и русская письменность, но разовьется тамъ. Оттуда будемъ мы получать увѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной періодической печати; тамъ явятся блестящія бельлетристическія произведенія; словомъ, тамъ будутъ наши и мыслители, и публицисты, и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліянію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣстѣ того, чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостигшихъ умѣнья владѣть вполнѣ образованною рѣчью!»

Сдѣлаемъ сперва оговорку.

Мы вовсе не хотимъ, что называется, отдѣлать «Москву» за легкость ея мнѣній относительно русской литературы вообще и Пушкина въ особенности. Въ настоящемъ случаѣ, насъ ни мало не обуреваетъ полемическій задоръ. Притомъ легкая газетная замѣтка, вызванная текущими событіями, не можетъ быть обсуждаема, какъ обстоятельное, отчетливое мнѣніе; да въ ней нѣтъ и той опредѣленности, съ какою выразилось бы подобное мнѣніе. Признаемся откровенно: мы просто придираемся къ случаю, чтобы поговорить о предметѣ, сильно насъ интересующемъ.

Прежде всего въ словахъ уважаемой нами газеты, конечно, слѣдуетъ видѣть выраженіе того высокомѣрія и невниманія, съ которымъ славянофилы всегда смотрѣли на нашу литературу—высокомѣрія и невниманія, давно заявляемаго и всѣмъ извѣстнаго. Источникъ этого пренебреженія также извѣстенъ. Всѣ знаютъ, какъ высоко ставятъ славянофилы русскій народъ, какія великія ожиданія они

Digitized by Google

на него возлагаютъ, какія огромныя силы ему приписываютъ. И вотъ именно въ силу этихъ великихъ ожиданій и требованій, наше настоящее умственное движеніе является имъ мелкимъ и скуднымъ. Славянофилы не вѣрятъ въ нигилистическій переворотъ Петра; они думаютъ, что Россія крѣпка и живетъ все еще старыми началами, на которыхъ складывалась и развивалась ея прежняя жизнь. И вотъ именно изъ-за этого уваженія къ прошедшему, изъ желанія придать бо́льшій смыслъ и бо́льшую цѣльность русской исторіи, они недовѣрчиво смотрятъ на явленія новаго времени.

Но мы не будемъ останавливаться на этихъ особенныхъ взглядахъ, не станемъ разсматривать того, на столько ли правильно дѣлается приложеніе ихъ къ русской литературѣ, на сколько они вѣрны въ своихъ основахъ. Возьмемъ дѣло проще, съ обыкновенныхъ точекъ зрѣнія.

Въ приведенныхъ нами словахъ «Москвы» есть факты, поразительно обнаруживающіе нашу умственную бѣдность. И вопервыхъ, слова эти, конечно, еще не всякому вполнѣ докажутъ скудость и слабость нашей литературы; но несомнѣнно доказываютъ они скудость и слабость нашего пониманія своей литературы; изъ нихъ ясно, что мы не знаемъ своей литературы, что у насъ не выработано прочныхъ, ясныхъ понятій о тѣхъ, хотя бы и скудныхъ и неблистательныхъ явленіяхъ, которыя составляютъ эту литературу. Сопоставленіе г. Островскаго съ г. Успенскимъ и Бѣлинскаго съ Чернышевскимъ, сопоставленіе лукавое, сдѣланное по той же манерѣ и съ тѣми же цѣлями, какія въ сильномъ ходу въ нашихъ юмористическихъ журналахъ, представляющее явное подражаніе тому остроумію, которое такъ часто сводитъ на одну доску г. Аксакова и г. Аскоченскаго, г. Каткова и г. Скарятина, подобное сопоставленіе въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ «Москва»,— фактъ достопримѣчательный. Оно показываетъ, что даже самыя крупныя явленія нашей литературы не получили надлежащей оцѣнки, не разграничены, не выяснены въ своемъ значеніи. Газета «Москва» въ приведенныхъ сло-

Digitized by Google

вахъ какъ будто дѣлаетъ слѣдующій вызовъ: а ну-те-ка, покажите намъ, какое различіе между вашимъ хваленымъ Островскимъ и г. Успенскимъ, между прославленнымъ Бѣлинскимъ и г. Чернышевскимъ?

Бѣдная литература! Бѣдная критика! Ни одного твердо сложившагося мнѣнія, ни одного общепризнаннаго авторитета! У славянофиловъ и у западниковъ мы вездѣ находимъ одинаковое незнаніе нашего умственнаго и художественнаго движенія. Одинъ журналъ ссылается на Бѣлинскаго какъ на столпъ просвѣщеннаго западничества, и по прямой линіи производитъ отъ него тургеневскаго Потугина, стремящагося спасти Россію ва время сказаннымъ, нужнымъ словомъ; другой журналъ видитъ въ Бѣлинскомъ истинно-русскаго человѣка и толкуетъ его слова въ совершенно славянофильскомъ духѣ; третій, наконецъ, ставитъ его на одну доску съ утопистомъ Чернышевскимъ. Мы могли бы привести не мало и другихъ примѣровъ, еслибы не боялись, что они, относясь къ такому темному и смутному дѣлу, будутъ совершенно неясны для читателей.

Ясно одно: наша критика, то-есть сознаніе нашего движенія, оцѣнка различныхъ его явленій, находится въ жалчайшемъ положеніи; она не выработала никакихъ точныхъ, общепринятыхъ результатовъ.

И опять вѣдь не то! Пожалуй, критика и не виновата. Читатели согласятся съ нами, что если порыться въ нашей бѣдной литературѣ, то найдется въ ней не мало страницъ, въ которыхъ отчетливо и обстоятельно излагаются значеніе г. Островскаго, отношеніе его къ прежнимъ писателямъ, сущность того переворота, который онъ сдѣлалъ въ русской сценѣ, сила или слабость тѣхъ возраженій, которыя можно противъ него сдѣлать. Найдутся также страницы, въ которыхъ по заслугамъ оцѣнивается дѣятельность Бѣлинскаго, указываются періоды этой дѣятельности, вліянія, подъ которыми она находилась, и отдѣляется то, что́ въ ней было напускного и фальшиваго, отъ чистаго золота, добытаго этимъ талантомъ. Что касается до г. Чер-

Digitized by Google

нышевскаго, то, по особымъ обстоятельствамъ, о немъ мало было писано; но и о немъ кое-что найдется, во всякомъ случаѣ на столько-то найдется, чтобы провести различіе между нимъ и Бѣлинскимъ.

Да, эти страницы найдутся; но только кто же ихъ станетъ искать? У кого окажется на столько сильно уваженіе къ нашей литературѣ и на столько слабо пренебреженіе къ ней, что онъ займется этимъ, какъ серьезнымъ дѣломъ, что онъ не побрезгаетъ имъ, какъ брезгаетъ всѣмъ русскимъ тургеневскій Потугинъ? Не покажется ли большинству даже смѣшнымъ человѣкъ, которому бы вздумалось взяться за столь маловажное занятіе? Мы помнимъ, какъ одинъ московскій журналъ, изъ самыхъ серьезныхъ и уважаемыхъ, укорялъ другой журналъ, петербургскій, между прочимъ и за то, что тотъ «все толкуетъ о русской литературѣ, да объ Островскомъ». И когда еще сдѣланъ былъ упрекъ? Въ самый разгаръ всякихъ толковъ и споровъ. Теперь же положеніе дѣла въ десять разъ хуже. Если имена Островскаго и Бѣлинскаго, случайно приходя на умъ, вызываютъ лишь высокомѣрное пренебреженіе, то кто же вспомнитъ объ ихъ цѣнителяхъ и критикахъ? Бѣдная литература, бѣдная критика!

Наконецъ насъ смущаетъ еще одно обстоятельство весьма яркаго свойства. Г. Чернышевскій считается у насъ писателемъ вреднымъ и сочиненія его нелѣпыми фантазіями. Другое дѣло Бѣлинскій. Слава его, какъ знатока и вѣрнаго цѣнителя произведеній нашей литературы, имѣетъ у насъ большую прочность и большое распространеніе; кстати, — въ нынѣшнемъ году печатается третье изданіе полнаго собранія его сочиненій. Безъ сомнѣнія, эти сочиненія составляютъ настольную книгу каждаго учителя русской словесности въ каждой русской гимназіи. Спрашивается теперь, какъ переваритъ въ своей головѣ такой учитель или его питомецъ сопоставленіе Бѣлинскаго съ г. Чернышевскимъ? Какой смыслъ онъ можетъ найти въ этомъ сопоставленіи, и какъ выйдетъ изъ путаницы понятій, которая въ немъ неминуемо возбудится? Если онъ повѣритъ

Digitized by Google

«Москвѣ», то онъ долженъ будетъ думать, что Бѣлинскій если не столь же вреденъ, то по крайней мѣрѣ столь же неоснователенъ, какъ г. Чернышевскій. А гдѣ же основанія? Куда онъ обратится для того, чтобы съ сознаніемъ дѣла отречься отъ своего прежняго руководителя и замѣнить его указанія новыми? Гдѣ онъ найдетъ книги и статьи, которыя бы замѣнили ему двѣнадцать томовъ ясной, отчотливой рѣчи Бѣлинскаго?

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду заступаться за Бѣлинскаго и выставлять его заслуги; мы завели рѣчь о немъ для того только, чтобы выяснить слѣдующій фактъ: существуютъ у насъ люди, пожалуй, цѣлая партія мыслящихъ людей, для которыхъ сочиненія прославленнаго Бѣлинскаго суть не что иное, какъ недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего прискорбнаго. Даже пріятно воображать, что есть у насъ люди, имѣющіе право на подобное высокомѣріе, что есть такіе взгляды на русскую литературу, которые своею глубиною, жизненностью и цѣльностью совершенно затмѣваютъ взгляды Бѣлинскаго. Понятно, что такіе люди должны враждебно относиться къ авторитету Бѣлинскаго, считать его славу за фальшивое явленіе, которое должно современемъ пасть и развѣяться. Но вотъ что́ непонятно и прискорбно: почему же не пишутъ эти люди? Не составляетъ ли это прямого ихъ долга, не лежитъ ли это на ихъ отвѣтственности? Слава Бѣлинскаго растетъ и укрѣпляется; изданіе слѣдуетъ за изданіемъ—а враждебная партія молчитъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни изложенія взглядовъ этой партіи на литературу, ни ея суда надъ Бѣлинскимъ, такого суда, который бы основательно и отчотливо опредѣлялъ значеніе знаменитаго критика и не давалъ бы увлекаться его, по мнѣнію партіи, неосновательными сочиненіями.

Только иногда, когда случайно приведетъ ихъ къ тому теченіе рѣчи, люди, враждебно относящіеся въ славѣ Бѣлинскаго, дѣлаютъ о немъ пренебрежительный отзывъ, до такой степени пренебрежительный, какъ будто больше говорить о немъ они почитаютъ даже ниже своего достоин-

Digitized by Google

ства. Точно они только нарочно дразнятъ его почитателей, только желаютъ вызвать въ нихъ недоумѣніе и негодованіе...

И вотъ въ какомъ положеніи дѣло относительно такой огромной знаменитости, какъ Бѣлинскій, относительно человѣка, памяти котораго нашъ первый современный писатель г. Тургеневъ посвятилъ своихъ Отцовъ и Дѣтей, подобно тому, какъ нѣкогда Бориса Годунова Пушкинъ посвящалъ драгоцѣнной для Россіянъ памяти Карамзина...

Какъ тутъ не скажешь: бѣдная литература! бѣдная критика! [1])

II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы.

Бѣдна наша литература, но какого рода эта бѣдность? Бѣдность ли это старика, котораго всѣ труды были безплодны, или бѣдность юноши, еще мало успѣвшаго испробовать свои силы? Бѣдность ли это внутренняя, то-есть

[1]) Кстати объ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго; обращаемъ вниманіе почтенныхъ издателей на то, что эти изданія все больше и больше переполняются опечатками самыми грубыми и досадными, а именно—искажающими не одни слова, но и смыслъ рѣчи. Положимъ, что это недоваренные объѣдки чужихъ мыслей, но такъ-какъ наша литература еще не переварила ихъ, то желательно было бы читать ихъ не спотыкаясь на каждой страницѣ и не разыскивая того, гдѣ наборщику угодно было пропустить частицу не и тѣмъ дать рѣчи обратный смыслъ, и дѣйствительно ли онъ вмѣсто слова ручаться поставилъ болѣе модный глаголъ ругаться. Изданія Бѣлинскаго представляютъ одно изъ самыхъ плачевныхъ доказательствъ того, что перепечатки постепенно искажаютъ текстъ и что, слѣдовательно, гуттенбергово изобрѣтеніе еще не освобождаетъ печатающихъ отъ необходимости слѣдить за смысломъ печатаемаго и вполнѣ понимать его.

Digitized by Google

скудость духовнаго содержанія, которая можетъ сочетаться съ довольно блестящимъ внѣшнимъ обиліемъ, или же это бѣдность внѣшняя, подъ которой скрываются богатые и глубокіе задатки?

Каждый согласится, что на сколько легко указывать вообще на бѣдность нашей литературы, на столько трудно характеризовать эту бѣдность въ частности, опредѣлить ея дѣйствительныя черты, настоящее положеніе дѣла. Бѣлинскій, который знаменитъ тѣмъ, что лишилъ нашу литературу многихъ мнимыхъ богатствъ, и въ силу своего удивительнаго эстетическаго пониманія, строго опредѣлилъ ея дѣйствительныя богатства, часто указывалъ на особенности этихъ немногихъ сокровищъ. Онъ говорилъ, напримѣръ, что мы гораздо богаче крупными талантами, чѣмъ второстепенными, которые могли бы, по видимому, являться чаще первыхъ, что у насъ много является писателей, подающихъ надежды, но рѣдко эти надежды сбываются, что самые большіе наши дѣятели, по какой-то таинственной судьбѣ, рано умираютъ, чему доказательство — Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, что, наконецъ, наша литература развивается необыкновенно быстро, что въ какія-нибудь десять лѣтъ вкусы и требованія читателей успѣваютъ совершенно измѣниться. Все это совершенно вѣрно; и каждая изъ этихъ чертъ имѣетъ глубокій смыслъ, представляетъ указаніе на существенныя особенности нашего литературнаго развитія. Ясно, что это развитіе имѣетъ нѣкоторый судорожный, неправильный, какъ-бы чѣмъ-то подавленный и однако неудержимо рвущійся ходъ; это литература, почему-то не могущая ни на чемъ остановиться, не дающая зрѣть своимъ талантамъ, не успѣвающая крѣпнуть и развиваться въ опредѣленныхъ формахъ. Только сильные таланты, крѣпкіе сами собою, успѣваютъ дѣлать свое дѣло въ такой литературѣ; мелкіе она сбиваетъ съ толку, ибо не даетъ образоваться никакой рутинѣ и быстро доходитъ до конца всякой разъ проторенной дороги.

Итакъ эта бѣдность есть бѣдность совершенно особен-

Digitized by Google

ная, своеобразная. Разсматривая ея черты, можетъ быть, можно открыть весьма серьезныя основанія для надеждъ на будущее. Если мы, наиримѣръ, убѣдимся, что та безостановочность и быстрота развитія, о которой такъ часто говорилъ Бѣлинскій, имѣетъ мѣсто и до сихъ поръ, то уже это одно будетъ свидѣтельствомъ сильной живучести нашей литературы. Если мы взвѣсимъ всѣ препятствія, которыя эта литература встрѣчала въ своемъ развитіи, то, можетъ быть, найдемъ, что она не мало и сдѣлала. Можетъ быть, окажется, что удивительнымъ образомъ въ этой литературѣ сказалась душевная мощь великаго народа, того народа, который Европа до сихъ поръ считаетъ варварами и который въ лицѣ своихъ образованныхъ представителей самъ впадаетъ иногда въ сомнѣніе и сокрушеніе относительно своихъ духовныхъ силъ.

Собственно говоря, вотъ полный объемъ задачи для того, кто заговорилъ о нашей духовной бѣдности. Если мы дѣйствительно великій народъ, если таковы наши надежды и притязанія, то наша литература должна представлять задатки великой литературы. Такъ или иначе, въ ней должны найтись черты той силы, которую мы за собою признаемъ, должны открываться широкія и могучія стремленія, достойныя великаго народа. Открыть и уяснить эти задатки и стремленія—вотъ задача, хотя можетъ быть и весьма трудная, но настоящая задача для того, кто хотѣлъ бы вполнѣ объяснить намъ нашу бѣдность.

Каждая вещь должна быть судима на основаніи ея самой. Ничего нельзя понять ни въ какомъ дѣлѣ, если мы будемъ становится на чуждыя ему точки зрѣнія, если будемъ прикидывать къ нему чуждыя ему мѣрки. Бѣлинскій потому и вѣренъ во многихъ своихъ сужденіяхъ, потому и пріобрѣлъ свою славу, имѣлъ сильное вліяніе и многое сдѣлалъ, что онъ—несчастный!—сливался душой съ этою бѣдною литературою, жилъ ея скудною жизнью, принималъ ея дѣла въ сурьезъ самый сурьезнѣйшій. Но только такъ и можно вполнѣ вѣрно понимать литературныя стремленія. Не будемъ брезгать ими и смотрѣть на нихъ свы-

Digitized by Google

сока; только тогда мы поймемъ ихъ настоящее значеніе. Литература есть дѣло органическое; ея недостатки тѣсно граничатъ съ ея достоинствами, и тамъ, гдѣ высокомѣрный взглядъ видитъ лишь больное мѣсто, въ дѣйствительности, можетъ быть, окажется здоровое и глубокое усиліе организма избавиться отъ худосочія.

Такъ на сей разъ случилось съ «Москвою». Какъ на какое-то темное пятно въ нашей литературѣ она указываетъ на драмы самого (ея слово) Островскаго. Эти драмы, какъ извѣстно, составляютъ самую значительную и, пропорціонально объему, самую лучшую часть нашего репертуара; ими, главнымъ образомъ, пробавляются наши столичные и провинціальные театры. Но что́ же это за богатство? Что́ въ нихъ хорошаго? По словамъ «Москвы», это не болѣе, какъ «попытки дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія».

Упрекъ, по видимому, мѣткій. Въ самомъ дѣлѣ, вообще говоря, нельзя не согласиться съ Добролюбовымъ, что міръ драмъ г. Островскаго есть темное царство, царство, изобилующее уродствами быта и рѣчи. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что не думалъ г. Островскій обличать это царство, какъ полагалъ Добролюбовъ, а именно хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ возвести его въ перлъ созданія. По выраженію Ап. Григорьева, это былъ культъ изображаемаго быта, попытка схватить всѣ его живые и поэтическіе моменты.

Многимъ это не нравилось. Обыкновенный, ходячій упрекъ г. Островскому заключается въ низменности изображаемаго имъ быта. Все купцы да купцы!.. И вотъ этотъ давнишній упрекъ, какъ нарочно повторяется при такихъ обстоятельствахъ, которыя, казалось бы, должны были очень поразить упрекающихъ и подсказать имъ болѣе правильное пониманіе дѣла.

Кому неизвѣстно, что г. Островскій съ нѣкотораго времени измѣнилъ свою дѣятельность? Онъ какъ будто послушался своихъ всегдашнихъ корителей. Онъ бросилъ

Digitized by Google

презрѣнную прозу и пишетъ стихами; онъ покинулъ своихъ купцовъ и выводитъ намъ на сцену дворянъ, бояръ, воеводъ, царей; онъ уже не изображаетъ намъ семейныхъ драмъ темнаго царства, а представляетъ историческія событія, государственные перевороты.

Что же, лучше вышло? Обогатилась русская литература? Увы! «Москва» говоритъ такъ, какъ будто этихъ стихотворныхъ драмъ, изображающихъ высокія лица и дѣянія, вовсе не существуетъ на свѣтѣ; «Москва» помнитъ только бытовыя драмы, возводящія въ перлъ созданія уродства быта и рѣчи. И это совершенно справедливо; именно этими драмами былъ и будетъ извѣстенъ г. Островскій; именно онѣ составляютъ его главную и неотъемлемую заслугу. А изъ этого слѣдуетъ, что не даромъ онъ прежде такъ упорно держался этой области, не даромъ избралъ ее и въ ней работалъ. Это было правильное, правдивое, а потому и плодотворное приложеніе его таланта.

Для ясности припомнимъ нѣкоторые аналогическіе факты изъ исторіи нашей литературы—ибо, вѣдь, наша бѣдная литература уже имѣетъ свою исторію, и притомъ весьма поучительную, хотя и мало извѣстную и мало понимаемую. Когда Пушкинъ издалъ «Повѣсти Бѣлкина», то ему дѣлали упреки, совершенно подобные упрекамъ, дѣлаемымъ г. Островскому за бытовыя драмы. Юный тогда Бѣлинскій приходилъ въ отчаяніе. «Вотъ передо мною лежатъ—писалъ онъ—Повѣсти, изданныя Пушкинымъ: неужели Пушкинымъ же и написанныя? Пушкинымъ, творцомъ «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыганъ», «Полтавы», «Онѣгина» и «Бориса Годунова»? Правда, эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства разсказывать; но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки». «Словомъ, — прибавляетъ опечаленный критикъ, —

«...Прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!»

Digitized by Google

Изъ повѣстей, собственно только первая: Выстрѣлъ достойна имени Пушкина» (Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 323).

Итакъ, эти повѣсти признаны недостойными имени Пушкина, и ясно изъ-за чего: изъ-за низменности лицъ и событій, ими изображаемыхъ, изъ-за того, что критикъ видитъ въ нихъ фламандской школы пестрый соръ. Такъ точно г. Островскому говорятъ въ наши дни, что сочиненія его недостойны русской литературы, недостойны именно по причинѣ быта, имъ изображаемаго.

Извѣстна затѣмъ исторія съ Гоголемъ. Даже мало свѣдущимъ въ нашей словесности, конечно, памятны упреки, которые дѣлались Гоголю за сальность его изображеній, за то, что въ его произведеніяхъ нѣтъ лицъ добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ, а одни только подлецы и дураки. Но тутъ сила того таинственнаго процеса, который порождаетъ у насъ произведенія, по видимому, недостойныя великой литературы, обнаружилась гораздо яснѣе. Извѣстно, что Гоголь самъ пытался покинуть ту низменную сферу явленій, которая выпала на долю его таланта, пытался подняться въ болѣе высокія области и изобразить намъ людей добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ, представителей «несмѣтнаго богатства русскаго духа». Попытка эта должна была совершиться во второй части «Мертвыхъ Душъ». Извѣстно далѣе, что Гоголь не совладалъ съ этою попыткою, и умеръ въ то самое время, когда она лежала на его душѣ, такъ что неудача въ его усиліяхъ въ той или другой степени, очевидно, содѣйствовала его смерти.

Тайну своей борьбы и своей неудачи Гоголь хотѣлъ унести съ собою въ могилу, и потому сжегъ уже вполнѣ готовую рукопись второй части своей поэмы. По счастію, сохранился однакоже списокъ нѣкоторыхъ главъ, и онѣ были напечатаны, хотя уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти автора. Поученіе, которое можно извлечь изъ этихъ отрывковъ и вообще изъ всей этой грустной исторіи, казалось бы, не должно быть забыто. Мы попробуемъ изложить его по указаніямъ г. Писемскаго, который, будучи

Digitized by Google

самъ одаренъ художественнымъ дарованіемъ, былъ, такъ сказать, кровно заинтересованъ въ дѣлѣ. Когда вышли отрывки второй части «Мертвыхъ Душъ», онъ написалъ критическую статью (1855), въ которой объяснилъ, въ чемъ состоялъ грѣхъ Гоголя. Грѣхъ былъ въ томъ, что, обладая способностію юмора, Гоголь «не оперся исключительно на нее въ своихъ созданіяхъ», что онъ «какъ бы испугавшись будто-бы безсмысленно-грязнаго и исключительно соціально-сатирическаго значенія своихъ прежнихъ твореній, и снѣдаемый желаніемъ непремѣнно сыскать и представить идеалы, обрекъ себя на трудъ упорный, насильственный»; что онъ принялся за созданіе лицъ, которыя «внѣ его средствъ».

Эта измѣна своему таланту была глубоко противна художественному чутью г. Писемскаго. Выписавъ страницу, на которой изображается «чудная славянская дѣва», Улинька, дочь генерала Бетрищева, онъ весьма справедливо говоритъ:

«Описаніе это, по моему мнѣнію, ниже самыхъ напыщенныхъ описаній великосвѣтскихъ героинь Марлинскаго, потому что тамъ, по крайней-мѣрѣ, видно болѣе знанія дѣла и наконецъ положено много остроумія. Тонъ рѣчи этой восьмнадцатилѣтней дѣвушки превосходитъ фальшивостію самое описаніе».

Статья заключается нравоученіемъ, которое вполнѣ вытекаетъ изъ басни и которое

Не худо завсегда бы помнить.

«Въ заключеніе, говоритъ г. Писемскій, могу пожелать всѣмъ намъ, писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя, или внести въ литературу свое новое,—одного: чтобы, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по избранному пути, не насилуя себя, а оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ правду» (Соч. Писемскаго, т. II, стр. 273).

Digitized by Google

Правда, чистая, строгая правда—вотъ требованіе, которое въ лицѣ г. Писемскаго высказало русское словесное художество. И кто знаетъ нашу литературу, тотъ не можетъ сомнѣваться, что это же требованіе обращаетъ къ себѣ каждый русскій художникъ. Припомнимъ здѣсь кстати еще словцо того же писателя, которому, по нѣкоторой особенности его таланта, привелось высказать нѣсколько откровенностей, можетъ быть, грубыхъ, но искреннихъ и значительныхъ. Г. Писемскій вывелъ себя самого на сцену въ романѣ «Взбаламученное Море». Онъ разсказываетъ, какъ онъ читалъ свою повѣсть «Старческій грѣхъ», и заставляетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, нѣкотораго умнаго и многоопытнаго старца, произнести такой приговоръ его таланту, что путь, котораго онъ, г. Писемскій, держится, есть единственный честный путь.

Великъ здѣсь порывъ авторскаго самолюбія, но его не только можно извинить, а можно найдти достойнымъ всякаго уваженія, если мы поймемъ, на какомъ поприщѣ это самолюбіе состязается съ другими. Въ чемъ наши художественные писатели стремятся превзойти одинъ другого? Въ честности отношенія къ дѣлу, въ неподкупной правдивости, въ строгости къ самому себѣ, въ точномъ сообразованіи своихъ усилій со средствами своего таланта.

Такова наша бѣдная литература! Невозможно не замѣтить того тяжкаго и упорнаго труда, который она на себѣ несетъ. Русскіе художники признаютъ для себя требованія непомѣрно высокія; они работаютъ, исполненные какой-то религіозной боязни отступить отъ правды; они не смѣютъ прибѣгнуть ни къ единому рутинному пріему, ни къ малѣйшему облегченію своего труда посредствомъ готовыхъ, привычныхъ формъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ выставить нѣкоторыя произведенія нашей литературы на образецъ всему міру. Можно поравняться съ ними въ правдивости, но превзойти ихъ невозможно.

Если же такъ, то изъ этого мы можемъ понять, что̀ значитъ для нашего художника выборъ предметовъ, которые онъ возводитъ въ перлъ созданія. Не по произволу совер-

Digitized by Google

шается такой выборъ; онъ совершается честно. Поэтому нужно поставлять за славу писателю, если онъ строго держится границъ своего таланта; напротивъ, горе тому, кто ихъ покидаетъ!

А отсюда слѣдуетъ, напримѣръ, что нельзя упрекать г. Островскаго за бытъ, который онъ воспроизвелъ въ своихъ драмахъ: если вы ихъ признаете въ извѣстной мѣрѣ художественными произведеніями, то должны вмѣстѣ признать за заслугу г. Островскаго то, что онъ держался именно этого быта, а не какого другого. Онъ честно служилъ дѣлу, и слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подпасть презрительному отзыву.

Но отчего же, спроситъ читатель, наши правдивые писатели избираютъ все такіе низменные предметы? Отчего они не подарятъ намъ ничего возвышеннаго, величаваго? «Зачѣмъ же—какъ уныло говорилъ самъ Гоголь—изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни?» Когда же, наконецъ, предстанетъ передъ нами «несмѣтное богатство русскаго духа»? Скоро ли?

Предметъ такъ высокъ, что жутко становится говорить о немъ. Надо такъ полагать, что придется намъ еще подождать порядкомъ. Гоголь обѣщалъ скоро, «еще въ сей же поэмѣ», то-есть въ «Мертвыхъ Душахъ». Но онъ не сдержалъ обѣщанія, а намъ теперь даже странно, что онъ его сдѣлалъ.

Все это весьма достойно вниманія. Была, значитъ, въ нашей литературѣ минута такого возбужденія и напряженія, когда поэтъ горячо вѣровалъ въ несмѣтное богатство русскаго духа, когда онъ считалъ себя на столько прозрѣвающимъ въ это богатство, что смѣло обѣщалъ поставить его передъ глазами читателя. Это обѣщаніе какъ будто сдѣлала намъ сама русская литература въ лицѣ одного изъ своихъ великихъ представителей. По всему этому нужно полагать, что она его сдержитъ.

Но мы ясно теперь видимъ, что Гоголь самъ не могъ сдержать этого обѣщанія. Не таковы были его силы, и главное не таковъ былъ неизбѣжный, неотвратимый пово-

Digitized by Google

ротъ, который совершался въ нашей литературѣ. Въ самомъ поэтѣ это, очевидно, былъ порывъ назадъ, къ Пушкину. Его Ульяна задумана по Татьянѣ. Но идти назадъ, идти противъ развитія невозможно.

Теперь, послѣ всего того, что сдѣлано въ нашей литературѣ, обѣщаніе Гоголя звучитъ какой-то дерзкой, такъ сказать, героической наивностію. Теперь, когда мы такъ глубоко переболѣли всякими муками анализа и жаждой правды, насъ мудрено было бы обмануть такимъ обѣщаніемъ.

Мы вѣримъ въ «несмѣтное богатство русскаго духа», но потому самому считаемъ болѣе приличнымъ не торопиться этимъ дѣломъ и не сокрушаться заранѣе. Ждали долго, подождемъ и еще. Дѣло, какъ видно, не шуточное и не маленькое, коли съ разу не дается. Если это—несмѣтное богатство, то пусть оно и будетъ несмѣтнымъ, неисчерпаемымъ, а не такимъ, которое легко было бы представить «въ сей же поэмѣ». Будемъ вѣрить, а до тѣхъ поръ постараемся только не обманывать себя мнимыми богатствами, постараемся честно и строго смотрѣть на свое дѣло.

Ядовитый процесъ этого неудовлетворенія и стремленія, который переживаетъ наша литература, начался, какъ мы замѣтили, въ Пушкинѣ, въ кульминаціонной точкѣ нашего литературнаго развитія. Онъ первый оставилъ возвышенныя сферы, которыя, по видимому, были ему сроднѣе, чѣмъ кому-либо, первый принялся за жанръ, за пестрый соръ фламандской школы, или, по его выраженію, подмѣшалъ воды въ свой поэтическій бокалъ. Въ величайшемъ нашемъ писателѣ сказалась вдругъ потребность какого-то отрезвленія, и съ тѣхъ поръ она царитъ въ нашей литературѣ. Изъ нея нужно объяснять явленія этой литературы. Изъ нея объясняется прозаически-ноющій стихъ Некрасова, напряженный анализъ гр. Л. Толстаго, симпатія къ слабымъ натурамъ Ѳ. Достоевскаго, постоянная несостоятельность героевъ Тургенева, обнаженный реализмъ Писемскаго; изъ нея же слѣдуетъ объяснять поэтическое воспроизведеніе извѣстнаго быта въ драмахъ Островскаго.

Digitized by Google

Въ своемъ стремленіи къ трезвости и правдивости, наша литература доходитъ иногда до цинизма, до признанія законными и достойными сочувствія явленій, которыя въ сущности незаконны и недостойны никакого сочувствія; доходитъ она и до тупости, до непониманія и отрицанія идеаловъ; но не нужно забывать, что это частности и промахи, и упускать изъ виду существенный источникъ дѣла.

И трудно же было нашимъ поэтамъ, постигавшимъ, какъ далеко они стоятъ отъ несмѣтнаго богатства русскаго духа! Уже Гоголь говорилъ, что «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія». Въ послѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ можно встрѣтить истинныя чудеса добросовѣстности въ работѣ. Стать въ самое правильное, самое простое отношеніе къ жизни, ничѣмъ не затемненное и не искаженное—вотъ цѣль, которую всѣ имѣли въ виду. Поэтому, нельзя не видѣть, что эти писатели сдѣлали дѣйствительныя поправки того отношенія къ дѣйствительности, которое господствовало у Гоголя. Напримѣръ, отношеніе г. Островскаго къ изображенному имъ быту несравненно вѣрнѣе, чѣмъ отношеніе Гоголя.

И вотъ почему бытовыя драмы г. Островскаго принадлежатъ къ настоящимъ богатствамъ нашей литературы; онѣ составляютъ произведеніе той глубокой и трезвой струи, которая ведетъ начало своего теченія отъ Пушкина; въ этомъ смыслѣ онѣ суть яркое свидѣтельство живучести нашей литературы.

Бѣдная литература! Она похожа на человѣка, который принялся за свой трудъ весело и бодро, который усердно работалъ и уже льстился надеждой, что онъ что-то сдѣлалъ, что близокъ конецъ задачи; помните:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный...

Вдругъ въ работѣ встрѣчается затрудненіе, которое сначала кажется незначительнымъ и легко побѣдимымъ; но чѣмъ дальше идетъ работа, тѣмъ больше становится и затрудненіе; задача начинаетъ рости и развертываться все

Digitized by Google

шире и шире; и чѣмъ упорнѣе работаетъ нашъ труженикъ, тѣмъ яснѣе только для него становится огромное разстояніе, отдѣляющее его отъ желанной цѣли.

Наша новая литература началась съ первой оды Ломоносова, съ этого великолѣпнаго стиха:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,

а кончается она пока, кажется, выраженіемъ Тургенева: все русское — дымъ. Мы начали съ восторга, и приходимъ все къ большему и большему унынію.

Ясно одно: все это признаки жизни, жизни неутомимой, неостанавливающейся. Не будетъ ли современемъ намъ ясно и то, что это признаки великой жизни?

III. Современная бѣдность.

Быстро развивается наша бѣдная литература, и это, можетъ быть, никогда не было такъ замѣтно, какъ въ настоящую минуту.

Какъ? скажутъ намъ, теперь-то? У насъ настало какое-то затишье, какой-то сонъ царитъ повсюду; холодъ, скука, тоска — а вы говорите, литература развивается!

Развивается, повторимъ мы, и въ томъ, что вы называете затишьемъ, мы именно и видимъ признакъ развитія. Разберемъ сперва хорошенько дѣло. Что это за затишье, на которое всѣ жалуются? Если взглянуть на дѣло со стороны, то, по видимому, окажется, что мы не имѣемъ никакого права жаловаться. Газетное дѣло у насъ стоитъ такъ высоко, какъ никогда не стояло; журналовъ у насъ стало больше прежняго; книги оригинальныя и переводныя продолжаютъ выходить во множествѣ, одна другой важнѣе, одна другой серьезнѣе. Изъ своихъ назовемъ для примѣра книгу г. Б. Чичерина «О народномъ представитель-

Digitized by Google

ствѣ»; какого вы хотите предмета важнѣе и любопытнѣе? Изъ переводовъ укажемъ, напримѣръ, на недавно явившуюся «Критику Чистаго Разума», Канта; чего еще серьезнѣе и глубже? Этого еще никогда и не бывало въ русской литературѣ. Навѣрное лѣтъ 60, а вѣроятно и болѣе, эта критика считается у насъ величайшимъ произведеніемъ ума человѣческаго; но въ теченіе всего этого времени ни разу наша литература не была въ такомъ серьезномъ настроеніи, никогда переводчики или издатели не считали нашихъ читателей такъ глубоко заинтересованными философіею, чтобы рѣшиться усвоить отечественной словесности это знаменитое твореніе, основной камень всей германской мудрости.

А журналы? Съ прошлаго года выходятъ: «Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Женскій Вѣстникъ», «Записки для Чтенія»; съ начала нынѣшняго стали выходить: «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (по новой программѣ, весьма расширенной), «Всемірный Трудъ», «Литературная Библіотека». Неужели мало?

Сообразно съ этимъ, увеличивается и число пишущихъ; вѣдь не одинъ только г. В. П. Авенаріусъ составляетъ новость въ нашей литературѣ; появились также г-да Данкевичъ, Н. Кирѣевъ, Е. Бутковскій, Н. Смирновъ, Демидовъ, Н. Хохловъ, А. Боровиковскій, Н. Ѳ. Бажинъ, Н. Свѣденцовъ, Г. Вилламовъ, и проч. и проч., не говоря уже о тѣхъ, которые, какъ г-да А. М., Н. П., М. М-нъ, Г-й, П. К. и т. д. изъ скромности не подписали своего полнаго имени. Мы ограничиваемся при этомъ одною изящною словесностію, не упоминая о новыхъ критикахъ, публицистахъ, фельетонистахъ и проч.

Прежніе писатели тоже продолжаютъ дѣйствовать, иные даже усерднѣе и удачнѣе прежняго; давно ли мы читали новыя произведенія гг. Тургенева, Островскаго, гр. Л. Н. Толстого, Писемскаго? *).

*) А что сказать теперь, когда литература пріобрѣла такое произведеніе, какъ «Война и Миръ», произведеніе, вдругъ заслонившее и

Digitized by Google

Словомъ, съ каждымъ днемъ литература расширяется и обогащается. На слѣдующій годъ у насъ будетъ, по крайней мѣрѣ, еще одинъ новый ежемѣсячный журналъ. «Вѣстникъ Европы», журналъ историко-политическихъ наукъ, объявляетъ (см. сентябрь 1867), что онъ будетъ выходить двѣнадцатью книжками. «Начавъ, говоритъ онъ, съ опасенія за недостатокъ въ матеріалахъ, мы весьма скоро начали затрудняться ихъ обиліемъ, и вслѣдствіе того явилась само собою возможность и даже необходимость» — увеличить объемъ журнала. Вмѣсто прежнихъ 150 печатныхъ листовъ въ годъ, «Вѣстникъ Европы» обѣщаетъ давать 300 или 350. Онъ будетъ помѣщать произведенія изящной словесности и критическія статьи.

Итакъ, гдѣ же оскудѣніе? гдѣ же затишье? Вообще намъ кажется, что люди, жалующіеся на современное положеніе литературы, едвали вполнѣ ясно понимаютъ, на что они собственно жалуются. Очень часто эти жалобы, которыя такъ постоянно раздаются въ большинствѣ нашихъ повременныхъ изданій, производили на насъ даже весьма комическое впечатлѣніе.

А именно — литераторы, какъ будто жалуются читателямъ на самихъ же себя. Нѣсколько смѣшно читать, напримѣръ, фельетониста, который жалуется на отсутствіе хорошихъ фельетоновъ, критика, который плачетъ объ упадкѣ критики, публициста, который сокрушается о жалкомъ состояніи нашей публицистики. Толстый журналъ вдругъ даетъ понять, что хорошихъ журналовъ у насъ теперь не существуетъ; газета ядовито намекаетъ, что всѣ газеты нынче изъ рукъ вонъ плохи.

Такъ и хотѣлось бы обратиться ко всѣмъ этимъ печальнымъ и сердитымъ людямъ съ слѣдующею рѣчью: вспомните, пожалуйста, что вы сами писатели, критики, редакторы; въ вашихъ рукахъ есть и газеты, и журналы, и сборники; притомъ всѣхъ васъ множество неисчислимое.

отодвинувшее на задній планъ всѣ другія наши новости и затѣи? Это ли оскудѣніе? *Позднѣйш. примѣч.*

Digitized by Google

Что же мѣшаетъ вамъ? Блистайте, гремите, изумляйте насъ глубиною мыслей и теплотою чувствованій! Вы напримѣръ, г. фельетонистъ, столь гнѣвно и презрительно обозрѣвающій явленія нашей текущей литературы — что вамъ мѣшаетъ обогатить эту бѣдную литературу рядомъ блестящихъ фельетоновъ, въ которыхъ было бы еще что-нибудь, кромѣ гнѣва и презрѣнія? Вы, г. публицистъ, что вамъ мѣшаетъ обновить нашу публицистику? и т. д. Ваши жалобы или ничего не значатъ, или доказываютъ только одно — ваше собственное безсиліе.

А если такъ, то чѣмъ хуже вы будете себя чувствовать, тѣмъ лучше. Великій прогресъ, когда люди, воображавшіе себя сильными, начинаютъ наконецъ сознавать, что они обольщали самихъ себя, что сила ихъ была мнимая. Правда всегда плодотворнѣе лжи.

Уже по одному этому можно судить о томъ времени, когда г-да жалующіеся были довольны, когда, по ихъ мнѣнію, литература процвѣтала и мы быстро шли впередъ. Послушать иныхъ — такъ недавно у насъ былъ золотой вѣкъ журналистики, было сильнѣйшее умственное движеніе, блистательное развитіе. Справедливо ли это? Дѣйствительно ли за нами славное прошедшее, обильное знаменитыми дѣлами? Если мы теперь бѣдны, то не были ли мы еще недавно очень богаты? Увы! мы думаемъ, что едвали возможно питать такіе розовые взгляды на нашу литературу.

Будущій историкъ... удивительно пріятно иногда предполагать, что у насъ будутъ историки—да еще какіе! внимательные, добросовѣстные, проницательные; но читатель долженъ твердо помнить, что это одно предположеніе, которое можетъ и не исполниться; не нужно обольщать себя надеждами; весьма можетъ быть, что мы останемся и безъ историковъ, и что всѣ дѣла наши такъ и останутся нераспутанными и покрытыми мракомъ... Итакъ—будущій историкъ нашей литературы, сравнивая книжки золотого вѣка нашей журналистики съ иными изъ тѣхъ журнальныхъ книжекъ, которыя выходятъ теперь, едва-ли въ си-

Digitized by Google

лахъ будетъ найти какую-нибудь разницу между ними. Въ томъ и въ другомъ періодѣ, онъ найдетъ одинаковую степень учености, одинаковые взгляды, одинаковые художественные пріемы; во многихъ случаяхъ даже пишутъ одни и тѣ же лица. Для него, для будущаго историка, весьма трудно будетъ рѣшить, почему же книжка временъ процвѣтанія была встрѣчаема съ восторгомъ и читалась съ жадностію, а совершенно подобная книжка временъ упадка не вызывала ни малѣйшаго вниманія? Судя по внутреннему достоинству этихъ писаній, онъ, пожалуй, найдетъ, что послѣднее отношеніе, то есть холодность и невниманіе—гораздо правильнѣе, чѣмъ странный восторгъ, съ которымъ мы бросались когда-то на эти пустяки. Это такъ вѣрно, что для подтвержденія не нужно ссылаться и на будущаго историка, какъ это мы сдѣлали для выпуклости дѣла. У насъ есть не одни предположенія, а и факты, подтверждающіе нашъ взглядъ. Именно среди самаго разгара процвѣтанія журналистики, у насъ были люди, до того хладнокровные и скептическіе, что они не видѣли въ этомъ процвѣтаніи никакихъ дѣйствительныхъ успѣховъ, и столь же мало находили хорошаго въ тогдашнихъ книжкахъ, какъ и въ нынѣшнихъ. Такіе люди не находятъ, чтобы журналистика наша упала; напротивъ, въ настоящее время чуть ли они не встрѣчаютъ больше пищи для своего ума, чѣмъ прежде.

Итакъ, подлежитъ весьма большому сомнѣнію то, что наша литература прошла нѣкоторый блестящій періодъ, что мы недавно были богаты движеніемъ и развитіемъ. Еслибы было такъ, то у насъ, казалось бы, должны быть въ рукахъ ясные цвѣты и плоды этого развитія, а ихъ-то мы и не находимъ.

Презагадочное дѣло — эта русская литература; иногда весьма трудно сказать, что такое въ ней дѣлается. Вмѣсто дѣйствительныхъ явленій, передъ нами возникаютъ какіе-то миражи. Совершается какая-то странная, воздушная исторія, напоминающая разсказы о томъ, какъ передъ дѣйствительнымъ сраженіемъ являются на воздухѣ воины

Digitized by Google

и сражаются между собою. Помните ли вы, какъ происходило это горячее движеніе, безпрерывно разраставшееся и усиливавшееся? Возвышались люди, до тѣхъ поръ неизвѣстные; одни смѣняли другихъ; возгарались какія-то распри и торжествовались какія-то побѣды; была увлекательная радость съ одной стороны и страхъ съ другой; совершались какіе-то перевороты, переломы; раздавались крики восторга и злобныя ругательства; словомъ, все движеніе имѣло видъ самой живой и яркой дѣйствительности. Казалось, что передъ нами совершается не воздушная, а настоящая исторія.

И что же? Всѣ помнятъ, какъ все это вдругъ рухнуло, осѣло и исчезло. Дунулъ вѣтеръ, и фата-моргана, въ которой намъ видѣлись города, башни, битвы и кораблекрушенія,—пропала. Собственно говоря, къ этимъ явленіямъ должны быть отнесены горестныя слова г. Тургенева: все русское—дымъ!

До сихъ поръ, однакоже, многіе остаются обманутыми, и считаютъ это прошлое чѣмъ-то дѣйствительнымъ. По неизбѣжному закону, всякая литературная эпоха, имѣвшая жаркихъ поклонниковъ, оставляетъ послѣ себя много людей, которые нелегко разстаются съ своими милыми преданіями, и потому становятся часто ожесточенными старовѣрами, живущими прошлымъ и слѣпыми для настоящаго. Еще и до сихъ поръ встрѣчаются старички, которые вздыхаютъ о временахъ Булгарина. Что же мудренаго, что недавнее время процвѣтанія имѣетъ тоже своихъ вздыхателей. Какое—говорятъ они — было тогда движеніе въ литературѣ! Какія появлялись статьи, возбуждавшія всеобщее вниманіе! Какія критики! Какія повѣсти!

Между тѣмъ, если мы потребуемъ болѣе подробнаго отчета у этихъ поклонниковъ прошлаго, если сами попробуемъ хорошенько вглядѣться въ это движеніе, то окажется, что очень трудно уловить его хорошія и плодотворныя стороны. Напротивъ, прежде всего намъ бросятся въ глаза черты комическія и дикія. Собственно говоря,

Digitized by Google

это было время скандаловъ, время, когда русская литература обнаружила всѣ свои слабыя стороны.

Помните ли вы, читатель, напримѣръ, литовскую теорію происхожденія Руси, придуманную г. Костомаровымъ? Какой шумъ и гамъ былъ изъ-за нея поднятъ! Былъ публичный диспутъ съ г. Погодинымъ, написано множество статей, а между тѣмъ въ сущности, то-есть въ отношеніи къ наукѣ, вѣдь это было не что иное, какъ скандалъ на поприщѣ русской исторіи. Помните ли вы исторію дамы, читавшей публично «Египетскія Ночи» и послѣдовавшія за тѣмъ «Безобразный поступокъ Вѣка»? Смѣшно вспомнить эту невѣроятную кутерьму, на которую было потрачено столько чернилъ и бумаги и такъ мало здраваго смысла. Помните ли вы Никиту Безрылова и грязные воротнички? Странно, если забыли, ибо шуму и грому было не мало. А вопросъ о тупоумныхъ глупцахъ и дрянныхъ пошлякахъ? Но вы навѣрное помните вопросъ о классическомъ образованіи и исторію ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, который въ ожесточенной полемикѣ былъ разбитъ «Московскими Вѣдомостями». Это былъ великій скандалъ, обнаружившій бѣдность нашихъ умственныхъ силъ и отсутствіе всякихъ твердыхъ педагогическихъ понятій, несмотря на то, что со временъ «Вопросовъ жизни» Пирогова у насъ писались по педагогикѣ цѣлые коробы статей. А помните ли вы эти «Вопросы»? Помните ли?..

Но мы никогда не кончили бы. Довольно и этого... Пересматривая это недавнее прошлое, это время оживленія и процвѣтанія, къ величайшему прискорбію убѣждаешься, что весь этотъ шумъ и гамъ остались безплодны, что ничего изъ него не выработалось, не получилось никакихъ прочныхъ и ясныхъ результатовъ. Шумъ, обыкновенно, возбуждался скандалами, которые совершала въ это время русская литература на поприщѣ наукъ, критики, художества, общественной жизни. Скандалы возбуждали противодѣйствіе; но вся эта странная борьба и дѣятельность, какъ будто въ самомъ корнѣ лишенная живыхъ

Digitized by Google

соковъ, ни къ чему не приводила и ничего не порождала. Какіе вопросы мы рѣшили? Какія прочныя основы положили? Никакихъ.

А между тѣмъ прожито много, и много потрачено силъ. Несерьезное дѣло мы принимали въ сурьезъ и тратили на него свою душу. Такая ужъ увлекающаяся у насъ натура, что мы ничего не умѣемъ дѣлать въ половину, съ осмотрительностію и хладнокровіемъ.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ нашихъ писателей (такіе есть, читатель) сравниваетъ эти явленія не съ дымомъ, какъ г. Тургеневъ, а съ прививною оспою. Онъ утверждаетъ, что мы издавна страдаемъ различными болѣзнями, но болѣзнями, составляющими лишь подобіе настоящихъ, глубокихъ потрясеній организма. Эти прививныя страданія переносятся легко и проходятъ быстро; и будто бы (таково мнѣніе нашего автора) они избавляютъ насъ отъ опасности настоящаго, глубокаго зараженія.

Какъ бы то ни было, мы пережили эпоху какого-то сильнаго и очевидно болѣзненнаго возбужденія. Мы и теперь хотимъ жить, но уже не хотѣли бы жить этою лихорадочною, миражною, призрачною жизнію; вотъ источникъ того общаго разочарованія и недовольства, которое чувствуется теперь. Многое намъ опротивѣло на всегда; многое мы испробовали и на всегда отъ него отказались. Мы чувствуемъ, что вернуться назадъ невозможно, и что насъ можетъ удовлетворить теперь только серьезная, трезвая, здравая дѣятельность.

Итакъ, чѣмъ хуже мы себя чувствуемъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ меньше мы собою довольны, чѣмъ меньше у насъ задора, чѣмъ меньше мы надмѣваемся надеждой быть руководителями и просвѣтителями, тѣмъ лучше. Вотъ почему мы сказали, что нынѣшнее затишье и тоска въ литературѣ—признаки ея быстраго развитія. Мы идемъ на встрѣчу чему-то новому.

Русская литература есть весьма серьезная литература; это видно въ самыхъ ея безобразіяхъ, явныхъ слѣдствіяхъ

Digitized by Google

слишкомъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Нынѣшнее суровое затишье, полное раздумья и недовѣрія къ себѣ, есть также состояніе серьезное, есть дѣйствительный шагъ впередъ.

IV. Общій ходъ нашей литературы.

Сознаніе вообще возрастаетъ медленно.

Такъ точно и сознаніе нашей бѣдности возрасло медленно и выяснилось постепенно. Были времена, когда мы считали себя очень богатыми и хвалились своею литературой; были времена, когда мы кричали: у насъ нѣтъ литературы! Только понемногу мы начинаемъ уразумѣвать, въ чемъ дѣло и каково наше дѣйствительное положеніе.

Мы начали, какъ мы уже замѣтили, съ восторговъ. Наше вступленіе въ среду европейскихъ народовъ, наше присоединеніе къ потоку всемірной исторіи было блистательно и торжественно. Перенесемся, напримѣръ, въ ту минуту, когда Петромъ была одержана полтавская побѣда; не въ правѣ ли онъ былъ радоваться? И вотъ

Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Этотъ тостъ выражаетъ гордое, радостное самодовольство. Давно ли Петръ сталъ самъ учиться у европейцевъ и заставлять учиться своихъ подданныхъ, и вотъ, онъ уже дождался плодовъ своихъ стараній — ученики побѣдили своихъ учителей!

Съ тѣхъ поръ, съ этой радостной минуты прошло много времени. Окно, прорубленное въ Европу, все время стояло настежъ; Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и переросъ своимъ многолюдствомъ древнюю, мно-

Digitized by Google

говѣковую Москву. Прошло сто лѣтъ, и полтораста лѣтъ, и болѣе; все время мы учились усердно, перенимали у европейцевъ все, начиная съ ихъ костюма и кончая ихъ философіей. И до чего же дошли мы? Кто скажетъ въ настоящую минуту, что мы поравнялись съ своими учителями? Кто съ радостнымъ сердцемъ предложитъ тостъ за нихъ, какъ за себѣ равныхъ?

Послѣ столькихъ усилій, больше чѣмъ когда-нибудь мы сознаемъ, какъ мы далеки отъ Европы; болѣе чѣмъ когда-нибудь мы чувствуемъ свое безсиліе сравнительно съ нею, безсиліе и матеріальное, и нравственное, и умственное. Севастопольскій погромъ открылъ намъ глаза въ отношеніи къ нашей внѣшней силѣ; но еще болѣе грустныя открытія сдѣланы нами потомъ въ нашемъ умственномъ и нравственномъ настроеніи.

Гдѣ между нами европейцы? Гдѣ та масса русскихъ людей, которая, издавна находясь въ обученіи у Европы, представила бы намъ дѣятелей, равныхъ своимъ учителямъ и готовыхъ потягаться съ ними? Оказалось, что подобныхъ людей у насъ вовсе не успѣло образоваться. Европейское просвѣщеніе приноситъ на нашей почвѣ скудные или уродливые плоды, и, если мы хранимъ въ себѣ запасъ какой-то таинственной силы, то вовсе не потому, что успѣли стать европейцами.

Что же за причина? Одно изъ двухъ: или мы народъ неспособный, скудно одаренный природою и потому навсегда обреченный на роль учениковъ; или же есть нѣкоторое препятствіе къ нашему обращенію въ европейцевъ, есть внутренняя, глубокая причина, мѣшающая намъ идти по этой дорогѣ, сбивающая насъ съ этого, по видимому, гладкаго и протореннаго пути.

Но мы ли неспособны къ чему-нибудь? Извѣстны мы лѣностію, извѣстны неустойчивостію и распущенностію; но, въ то же время, цѣлому свѣту извѣстны мы своими бойкими способностями. Итакъ есть что-то другое, въ чемъ нужно искать разгадки нашихъ малыхъ успѣховъ. Если въ самой натурѣ, въ задаткахъ нашего нравствен-

Digitized by Google

наго бытія есть препятствіе, не дающее намъ покорно и слѣпо подчиняться чуждому вліянію, если мы одарены нѣкоторою нравственною самостоятельностію, крѣпкою, но не ясно сознаваемою, то понятно, что должна возникнуть борьба между стремленіями нашихъ душевныхъ силъ и тѣмъ умственнымъ строемъ, который на нихъ налагается, который ставится для нихъ авторитетомъ и правиломъ. Такимъ образомъ, вмѣсто простой исторіи, по которой намъ слѣдовало послушно принимать европейское просвѣщеніе и съ каждымъ годомъ преуспѣвать въ немъ все болѣе и болѣе — получается исторія весьма сложная и темная. Обнаруживается реакція противъ европейскаго просвѣщенія, не въ смыслѣ его отрицанія, а въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ подчиниться ему бездѣятельно, слѣпо, а во что бы то ни стало желаемъ усвоить его себѣ, претворить въ свою дѣйствительную духовную собственность. Мы не хотимъ, да и не въ томъ дѣло, что не хотимъ—мы не можемъ просто слѣдовать по извѣстнымъ путямъ и указаніямъ; это невозможно для народа, который дѣйствительно составляетъ существо нравственное. И по чужимъ путямъ мы хотимъ идти какъ по своимъ собственнымъ, и чужимъ указаніямъ слѣдовать какъ своимъ собственнымъ мыслямъ.

Такъ это необходимо должно было быть, такъ это и было. У насъ совершалась и совершается темная и таинственная исторія борьбы неясныхъ началъ съ ясными, зачатковъ съ развитыми формами. Смыслъ этой борьбы будетъ намъ вполнѣ ясенъ только тогда, когда она кончится, когда наступитъ примиреніе и въ немъ обнаружится, чего искали, къ чему стремились борющіяся силы.

Но только въ этой борьбѣ нужно искать главнаго нерва нашей умственной и литературной жизни; она придаетъ собою многозначительность явленіямъ нашей литературы и различные ея фазисы опредѣляютъ ея періоды.

Наша литература—новая, разумѣется—начинается самымъ страннымъ образомъ: она начинается торжественною пѣснью—одою, да какою!—ломоносовскою одою.

Digitized by Google

Всѣмъ намъ извѣстенъ удивительный литературный типъ этихъ произведеній. Тутъ напрасно говорить о подражаніи. Тонъ ломоносовской оды, ея величавый и могучій стихъ, ея величавый, и въ то же время ясный, спокойный восторгъ, все это типично въ высшей степени, ибо все это искренно, задушевно. Эта ода звучитъ, какъ торжественный колоколъ, и послушавши этого звона, никто его не забудетъ.

Въ своей извѣстной диссертаціи, К. Аксаковъ весьма справедливо настаивалъ, вопреки Пушкину, на томъ, что Ломоносовъ былъ дѣйствительный поэтъ. Не будучи поэтомъ, невозможно было создать поэтическій языкъ и творенія, столь полныя поэтическихъ порывовъ.

Чтобы понять всю естественность, всю неодолимую силу, внушившую эти оды, нужно вспомнить, что болѣе полувѣка наша литература находилась подъ ихъ вліяніемъ. Весь періодъ до Карамзина можно назвать періодомъ оды. Пушкинъ, дѣятель совершенно иной эпохи, былъ изумленъ такимъ долгимъ вліяніемъ, и написалъ о Ломоносовѣ слѣдующій сердитый и потому несправедливый отзывъ: «Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ» (Соч. Пушк. Т. V, стр. 403).

Такъ говорилъ человѣкъ, который, вмѣсто неопредѣленнаго восторга, долженъ былъ принести намъ поэтическую правду, настоящую мѣру всякаго восторга и всякаго чувства русской души. Какъ завершитель періода, онъ съ изумленіемъ оглянулся на начинателя періода и записалъ громадную разницу, которую нашелъ между имъ и собою.

Восторгъ Ломоносова былъ восторгъ неопредѣленный, но искренній; это было отраженіе радости Петра послѣ полтавской битвы, чувство своей силы и твердая надежда на блестящую будущность. Петръ былъ любимымъ героемъ Ломоносова, какъ вообще онъ былъ путеводною

Digitized by Google

звѣздою, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ опиралась сила петербургской имперіи. Ломоносовъ поминаетъ Петра въ каждой своей одѣ, и точно такъ же въ каждой одѣ онъ поминаетъ науки: то увѣряетъ, что для нихъ настало счастливое время, то указываетъ на широкое поприще для нихъ въ Россіи, то предается надеждамъ:

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

И почему ему было не надѣяться? Онъ самъ сознавалъ въ себѣ полную силу, самъ стоялъ наряду съ величайшими учеными того времени, съ Вольфами и Эйлерами; онъ чувствовалъ себя столь большимъ, что считалъ себя выше цѣлой академіи нѣмецкихъ ученыхъ, учрежденной въ Петербургѣ, и полагалъ, что можно не его отставить отъ академіи, а развѣ академію отъ него...

Счастливыя времена! Не было и мысли о какомъ-нибудь разладѣ, не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что мы уже навсегда слились съ Европою, что скоро во всемъ совершится предсказаніе, данное полтавскою битвою, то-есть, что ученики побѣдятъ учителей.

За Ломоносовымъ слѣдуетъ Державинъ. И что же? Въ новомъ поэтѣ восторгъ нетолько не умаляется, а дѣлается живѣе, опредѣленнѣе, ярче. Попрежнему по Руси несется звукъ оды, звукъ торжественной пѣсни, но въ этой пѣснѣ проступаютъ уже краски и образы; передъ нами уже обозначаются въ ней живыя лица: Екатерина, Потемкинъ. Это уже не простой хвалебный гулъ, это уже живая, теплая поэзія.

Для характеристики этого времени мы воспользуемся словами Хомякова, по нашему мнѣнію, всего яснѣе обозначающими глубину дѣла. Вотъ эта глубокая страница:

«Наступила другая эпоха. Жизнь общественная взяла свои права. Лучшій и высшій представитель поэзіи въ екатерининское время, Державинъ есть въ то же время общественный дѣятель въ полномъ смыслѣ слова. Правда, онъ не можетъ безъ восторга называть Фелицу; но Фе-

Digitized by Google

лица была предметомъ любви и восторга во всѣхъ краяхъ Россіи. Онъ сопровождаетъ побѣды нашего войска и наши завоеванія торжественными одами; но эти побѣды и завоеванія были истинною радостію для всѣхъ русскихъ. Измаильскій штурмъ, Очаковская зима, пожаръ Чесмы казались происшествіями нетолько политической жизни народа, но и частной жизни каждаго русскаго: Румянцовы и Суворовы дѣлались именами нарицательными. И всѣмъ нашимъ славамъ былъ отзывъ въ полудикихъ, но могучихъ стихахъ Державина (я называю ихъ полудикими, потому что онъ гораздо менѣе служитъ художеству, чѣмъ Ломоносовъ). Но Державинъ не льстецъ: его рѣзкое и смѣлое слово бьетъ и клеймитъ общественный порокъ, бьетъ и клеймитъ временщиковъ и болѣе всѣхъ полудержавнаго временщика, котораго, съ великодушіемъ и правдивостью поэта, онъ потомъ простилъ и увѣнчалъ, назвавъ его «великолѣпный князь Тавриды». Фонъ-Визинъ въ своихъ комедіяхъ борется съ общественными слабостями и пороками; слово гражданина постоянно слышится у Болтина. Наконецъ вся литература отъ Державина до Княжнина и Николева, несмотря на свои формы, или вовсе необработанныя, или нелѣпо-академическія, носитъ на себѣ характеръ дѣятельности общественной. Въ ранней молодости, выросши подъ вліяніемъ другаго направленія, я часто слушалъ съ удивленіемъ рѣчи стариковъ, совершенно чуждыхъ литературнымъ интересамъ, о словесности прежнихъ годовъ. Я удивлялся ихъ почтенію къ именамъ, повидимому, вовсе недостойнымъ славы. Загадка разгадалась для меня позднѣе, когда я понялъ, что они жили во времена словесности дѣйствительно серьезной, дѣйствительно русской — во сколько тѣсное общество высшаго сословія можетъ считаться представителемъ всей русской жизни. Эту сторону екатерининской словесности мало оцѣнили. Самодовольная, самонадѣянная критика 30-хъ и 40-хъ годовъ, вооружась противъ художественной отвлеченности нашей словесности, обвинила ее цѣликомъ въ

Digitized by Google

академизмѣ, и не замѣтила преобладающей стороны екатерининской эпохи. «Слона-то она и не замѣтила!» Впрочемъ, другого ждать нельзя было отъ этой односторонней и близорукой критики, которая, однакоже, въ свое время была не безполезна» (Соч. Хомяк. Т. I, 682).

Таковы черты духовной жизни Екатерининскаго времени. Литература отличалась тогда художественною отвлеченностію и академизмомъ, а между тѣмъ находила отзывъ во всѣхъ краяхъ Россіи; писатели, повидимому — вовсе недостойные славы, были для всѣхъ русскихъ предметомъ почтенія и восторга. Было, слѣдовательно, какое-то очарованіе, которымъ жилъ тогда русскій народъ; было восторженное настроеніе, безмѣрно далеко отстоящее отъ нынѣшняго унынія и, очевидно, слишкомъ высокое и напряженное, чтобы удержаться на этой высотѣ. Разочарованіе было неминуемо; но оно наступило не вдругъ, ибо этотъ восторгъ не былъ мгновенною фальшивою вспышкою, а былъ органическимъ явленіемъ, тѣсно связаннымъ съ жизнію всего государства, всего народа. Прошли поколѣнія и пережиты были цѣлые литературные періоды, прежде чѣмъ мы дошли до всяческаго рода нигилизма и русская слава обратилась для насъ въ дымъ.

Интересно, что первый, кому довелось въ этомъ случаѣ отвѣдать разочарованія, былъ самъ Державинъ. Въ его «Запискахъ» есть необыкновенно добродушное мѣсто, въ которомъ онъ объясняетъ, какъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (1795—1796) исчезъ у него его бывалый восторгъ. Вотъ это мѣсто:

«По желанію императрицы, чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобы поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ,

Digitized by Google

но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства» («Записки Держав.», стр. 379).

Какъ видно, прекрасно сознавалъ Державинъ, что прежнія его произведенія были не цеховыя, а внушенныя искреннимъ вдохновеніемъ, и живо чувствовалъ, что это вдохновеніе разсѣялось отъ столкновенія съ дѣйствительностію.

Но до полнаго сознанія дѣла было еще далеко. Къ этому времени, къ концу Державинскаго поприща, относится и мнимое богатство нашей литературы, то время, когда она представила образцы во всѣхъ родахъ. У насъ появились эпическія поэмы, трагедіи, басни, идилліи и проч. и проч., и мы вдругъ оказались обладающими литературою въ полномъ составѣ.

Повидимому, все это совершалось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Европы, все исходило изъ Петровскаго преобразованія, все слѣдовало примѣру и образцамъ иностранныхъ писателей; а между тѣмъ, въ дѣйствительности тутъ была своеобразная жизнь, для которой европейскія формы были лишь внѣшнею, несущественною оболочкою. Настоящее вліяніе Европы началось лишь со временъ Карамзина. Карамзинъ былъ первый русскій европеецъ. Что же онъ сдѣлалъ? Его выступленіе на литературное поприще Ап. Григорьевъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Посреди общества, упорно отстаивавшаго свою исключительность и особенность — является юноша съ живымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному и великому, что́ выработалось въ общечеловѣческой жизни. Этотъ юноша стоитъ въ уровнѣ со всѣми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимаетъ еще уединенныхъ мыслителей Германіи, не смѣетъ еще вполнѣ отдаться ея начинающимъ великимъ поэтамъ. Человѣкъ своей эпохи, человѣкъ французскаго образованія, онъ однако уже достаточно смѣлъ для того, чтобы съ весьма

Digitized by Google

малымъ количествомъ тогдашнихъ образованныхъ людей поклоняться пьяному дикарю Шекспиру, достаточно проницателенъ, чтобы зайти поклониться творцу «Критики чистаго разума» и хоть о пустякахъ, да поговорить съ нимъ... На все, что носилось тогда въ воздухѣ его эпохи, отозвался онъ съ сочувствіемъ, и главное-то дѣло, что сочувствіе это было сочувствіе живое, а не книжное... Въ Европу изъ далекой гиперборейской страны впервые пріѣхалъ европеецъ, и впервые же русскій европеецъ передалъ своей странѣ свои русско-европейскія ощущенія, передалъ не поучительнымъ, докторальнымъ тономъ, а языкомъ легкимъ, общепонятнымъ... Точка, съ которой передаетъ онъ ощущенія, дѣйствительно очень невысока; но за то она вѣрна, она общепонятна, какъ самый его языкъ».

«Письма русскаго путешественника, а затѣмъ сентиментальныя повѣсти и сентиментальныя же разсужденія Карамзина — перевернули нравственныя воззрѣнія общества, конечно той части его, которая была способна къ развитію. Понятно, что его дѣятельность возбудила сильный антагонизмъ во всемъ, что держалось крѣпко за старыя понятія, антагонизмъ отчасти правый, но вообще слѣпой».

Сентиментальность Карамзина и его требованія отъ русской жизни были совершенно тѣ же, какъ, напримѣръ, у Радищева. Какъ публицистъ и журналистъ, Карамзинъ проповѣдывалъ крайніе идеалы, до которыхъ достигла тогда европейская цивилизація. Но, если такъ, то какъ же онъ могъ стать русскимъ историкомъ? Какъ онъ могъ слить такія непримиримыя вещи, какъ русская жизнь и крайнія требованія европейской цивилизаціи? Какимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы въ сравненіи съ этимъ идеаломъ отчаяться въ своемъ народѣ и прійти къ совершенному разрыву съ нимъ, онъ сталъ его бытописателемъ, отыскалъ въ себѣ сочувствіе къ его жизни? Тотъ же критикъ отвѣчаетъ на это такъ:

Digitized by Google

«Карамзинъ, какъ великій писатель, былъ вполнѣ русскій человѣкъ, человѣкъ своей почвы, своей страны. Сначала онъ приступилъ къ жизни, его окружавшей, съ требованіями высшаго идеала, идеала, выработаннаго жизнью остальнаго человѣчества. Идеалъ этотъ, конечно, оказался несостоятеленъ передъ дѣйствительностію, которая окружала великаго писателя... Въ этой дѣйствительности можно было или только погибнуть, какъ Радищевъ, какъ болѣе практическій, чѣмъ Радищевъ, человѣкъ — Новиковъ, либо... не то чтобы ей подчиниться, но обмануть ее.

«Да... обмануть! Это настоящее слово.

«И Карамзинъ это сдѣлалъ. Онъ обманулъ современную ему дѣйствительность.

«Онъ сталъ «историкомъ Государства Россійскаго»; онъ можетъ быть сознательно, можетъ быть, нѣтъ — вопросъ трудный для разрѣшенія, ибо талантливый человѣкъ самъ себя способенъ обманывать — онъ подложилъ требованія западнаго человѣческаго идеала подъ данныя нашей исторіи, онъ первый взглянулъ на эту странную исторію подъ европейскимъ угломъ зрѣнія.

«Карамзинъ смотритъ на событія нашей исторіи точно такъ же, какъ современные ему западные писатели смотрятъ на событія исторіи западнаго міра, иногда даже глубже ихъ; это можно сказать безъ всякаго народнаго пристрастія, потому что современные ему западные историки весьма неглубоко смотрѣли на прошедшее... Въ этомъ его слабость и въ этомъ, если хотите, его сила, даже передъ современниками. Въ немъ еще нѣтъ той мысли, что мы племя особенное, предназначенное къ иному, нежели другія племена человѣчества. Общія его эпохѣ идеи привноситъ онъ съ собою въ русскую исторію, и это самое дѣлаетъ его исторію, помимо ея недостатковъ, однимъ изъ вѣчныхъ памятниковъ нашего народнаго развитія...

«Можетъ быть, всѣ изысканія Карамзина неправильны или должны быть дополнены; но всѣ его сочувствія

Digitized by Google

въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія».

Итакъ, вотъ какъ совершился обманъ, котораго непремѣнно требовала жизнь, такъ-какъ она не можетъ развиваться среди полнаго разрыва, полной дисгармоніи. Обманъ состоялъ въ томъ, что просвѣтленные общечеловѣческими идеями русскіе люди находили въ своей жизни отраженіе этихъ идей, закрывая глаза на противорѣчія и диссонансы. Этотъ періодъ обмана продолжался долго, былъ обиленъ талантами и выражалъ свое настроеніе разнообразнѣйшими формами. Нѣмецкая Ленора безъ малѣйшей трудности обращалась въ русскую Людмилу или Свѣтлану; мы воспѣвали нашихъ чухонокъ такъ, что онѣ намъ казались

Гречанокъ Байрона милѣй.

Въ это время не могло существовать ни славянофиловъ, ни западниковъ; мы спокойно причисляли себя къ семьѣ западно-европейскихъ народовъ, и въ самой этой семьѣ не дѣлали никакихъ значительныхъ различій. Мы писали свою исторію точно такъ, какъ ее пишутъ европейскіе народы; мы искренно отзывались на всѣ звуки европейской поэзіи, сочувствовали Шиллеру, Байрону, и облекали нашу собственную дѣйствительность въ формы сочувственныхъ намъ явленій.

И вотъ наступилъ, наконецъ, выходъ изъ этого обмана, выходъ, который, рано или поздно, долженъ же былъ наступить. Выходъ получился мудреный и многозначительный, такъ-какъ это была развязка глубокаго жизненнаго развитія, а не простой логической ошибки. Въ одно и то же время выпало двоякое рѣшеніе, положительное и отрицательное—въ одно и то же время явились Пушкинъ и Чаадаевъ.

Явился, наконецъ, поэтъ, который завершилъ все предъидущее трудное и странное развитіе, который вышелъ изъ неопредѣленнаго и призрачнаго восторга, нашедши въ своей душѣ ясный и существенный восторгъ,

Digitized by Google

который вышелъ изъ обманчиваго взгляда на нашу жизнь, нашедши истинно русскую поэзію и умѣя глядѣть поэтическими глазами на настоящую русскую дѣйствительность. Этотъ человѣкъ, столь сильно любившій истину и отвращавшійся отъ всякой фальши, столь зорко видѣвшій вещи, и въ то же время всегда и до конца остававшійся поэтомъ—былъ Пушкинъ. Его воспитаніе и развитіе, совершившееся въ періодъ обмана, подъ вліяніемъ всяческихъ европейскихъ образцовъ, отъ Вольтера до Байрона, способствовало только развитію въ немъ его поэтическаго дара, его зоркости и любви къ правдѣ, а истинно-русская зоркость и правдивость сдѣлали изъ него несравненнаго поэта, равнаго всему, что есть великаго въ поэтическомъ мірѣ. Онъ принесъ намъ чистѣйшую правду въ поэзіи, т. е. настоящую поэзію.

Но въ то же время получился другой выходъ, другое рѣшеніе. Умы болѣе холодные, болѣе теоретическіе шли своимъ, повидимому, весьма правильнымъ путемъ, и въ то самое время, когда Пушкинъ узаконивалъ поэзію на русской землѣ, эти умы пришли къ полному отрицанію русской жизни и несмотря на то, что уже существовала обманчивая исторія Карамзина, не усумнились вычеркнуть жизнь русскаго народа изъ исторіи всемірнаго развитія. Представителемъ такихъ умовъ былъ Чаадаевъ, пріятель Пушкина, хотя человѣкъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Въ сравненіи съ Европой Чаадаевъ призналъ ничтожною всю русскую жизнь, всѣ задатки и плоды нашего развитія, и нашелъ, что для насъ единственное спасеніе — перевоспитать себя, принять все отъ Европы, до глубочайшихъ основъ духовной жизни. Это былъ первый послѣдовательный западникъ.

Чаадаевъ былъ то же въ отношеніи къ Пушкину, что Радищевъ въ отношеніи къ Державину. Какъ Радищевъ отнесся съ величайшимъ отрицаніемъ и уныніемъ къ дѣйствительности, вызвавшей столь громкій восторгъ Державина, такъ Чаадаевъ отнесся съ сомнѣніемъ и невѣріемъ къ той духовной жизни, которая уже породила поэзію

Digitized by Google

Пушкина. Эти люди, какъ легко убѣдиться, не были великими русскими писателями, а потому, по замѣчанію критика, объ нихъ нельзя съ несомнѣнностію сказать, что они были вполнѣ русскіе люди, какими были Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ. Но это нимало не мѣшаетъ признавать за ними общечеловѣческія достоинства и даже видѣть въ нихъ людей на столько русскихъ, что они, съ большей или меньшей болью и горечью, чувствовали свое положеніе передъ Европою, какъ русскихъ, и старались понять его правильно, на сколько бываетъ правильно отвлеченное пониманіе.

Радищевъ, впрочемъ, былъ явленіе слишкомъ слабое и неглубокое; онъ не былъ зрѣлымъ плодомъ своего времени и исчезъ безъ вліянія и послѣдствій. Но ко времени Чаадаева та же мысль развилась и окрѣпла, и Чаадаевъ былъ уже отголоскомъ значительной и лучшей части нашего общества. Съ этого времени у насъ постепенно развивались двѣ партіи, западническая и славянофильская: одна, требовавшая всецѣлаго подчиненія Европѣ, другая — стоявшая за нашу духовную самостоятельность.

Вотъ фундаментъ, на которомъ развивается наша литература, та почва, на которой она растетъ. Пушкинъ составляетъ звѣно, заключающее эту золотую цѣпь, вѣнецъ этого основнаго развитія; въ его стихахъ, какъ справедливо замѣтилъ К. Аксаковъ, повторились звуки Ломоносовскихъ стиховъ, а въ элементахъ его поэзіи заключаются всѣ зачатки, которые съ тѣхъ поръ развиваются нашими художественными талантами.

Истинная поэзія чужда теоріи, чужда отвлеченныхъ опредѣленій, такъ какъ источникъ ея есть жизнь, которая шире всякихъ теорій. Поэтому, напримѣръ, нашу художественную словесность со временъ Пушкина нельзя назвать ни славянофильскою, ни западническою, ни даже выраженіемъ борьбы этихъ направленій. Западники имѣли у насъ большой перевѣсъ; они весьма настойчиво подводили наше развитіе подъ свою точку зрѣнія и проповѣдывали, что наши художники служатъ ихъ идеѣ и потолику и хо-

Digitized by Google

роши, поколику ей служатъ. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ весьма немудрено опредѣлилъ всю суть нашей новой литературы, сказавши, что Тургеневъ изобличилъ помѣщиковъ, Островскій—купцовъ, а Некрасовъ—чиновниковъ. Славянофилы съ своей стороны подтверждали эти притязанія тѣмъ самымъ, что отрекались отъ новой литературы и признавали ея дѣятелей лишь въ видѣ исключенія, иногда дѣлавшагося очень неудачно. Это неясное, но во всякомъ случаѣ враждебное отношеніе необходимо должно было усиливать притязанія западниковъ на господство ихъ идей въ нашей изящной словесности.

Но и тѣ и другіе были одинаково неправы, и легко было бы показать множество промаховъ съ той и съ другой стороны, доказывающихъ, что художественная дѣятельность, какъ болѣе широкая въ основахъ, ускользаетъ отъ узкихъ рамокъ этихъ теорій.

Идея западничества не могла вполнѣ завладѣть художественною сферою, но она свободно развивалась въ другихъ сферахъ литературы, въ критикѣ, публицистикѣ, и наконецъ выродилась въ интереснѣйшее явленіе — въ нигилизмъ. Если хотите, нигилизмъ имѣетъ и свои художественныя отраженія, но по сущности дѣла въ нихъ мы находимъ одну чистую видимость, скрывающую отсутствіе всякаго художества; ибо гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть художества.

Какъ бы то ни было, но наши современные западники суть нигилисты; это — наши европейцы, искренно, добросовѣстно дошедшіе до конца пути, имъ указаннаго и ими избраннаго, логически доведшіе свою идею до крайнихъ ея послѣдствій.

Результатъ получился странный и неожиданный, но въ сущности совершенно правильный. Западники начали съ поклоненія передъ Европой и кончили тѣмъ, что стали отрицать формы европейской жизни, ибо стали отрицать вообще всякія сложившіяся формы, всякую исторію. Это совершенно естественно. Они такъ наторѣли въ отрицаніи формъ русской жизни, довели свои пріемы въ этомъ дѣлѣ

Digitized by Google

до такой остроты и тонкости, что потомъ и западная жизнь не могла устоять передъ этимъ изощреннымъ оружіемъ. Можно, впрочемъ, сказать иначе, и въ извѣстномъ отношеніи правильнѣе: они довели свой взглядъ на русскую жизнь до такого непониманія, до такой тупости, что потомъ естественно перестали понимать и европейскую жизнь.

Чаадаевъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на православіе и преклонялся передъ величіемъ католицизма. Какая нелѣпость! Человѣкъ, благоговѣющій передъ католичествомъ, не впадаетъ ли въ явную нелѣпость, отрицая силу и жизненность православія? Не въ тысячу ли разъ послѣдовательнѣе тотъ, кто, отрицая православіе, въ то же время отрицаетъ католицизмъ?

Итакъ, тутъ есть своя логика, своя послѣдовательность, и нигилизмъ есть одна изъ неизбѣжныхъ степеней въ развитіи извѣстныхъ сторонъ русской литературы.

Такимъ образомъ, мы достигли современнаго положенія дѣлъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь выяснились нынѣ элементы нашего развитія, болѣе чѣмъ когда-нибудь мы чувствуемъ его странную шаткость и противорѣчивую многосложность. Сознаніе того, что нами еще мало сдѣлано, и что предлежитъ намъ какая-то трудная и огромная задача, становится яснѣе и яснѣе. Мы видѣли степени, черезъ которыя проходило это сознаніе и по этимъ степенямъ можемъ различать въ исторіи нашей литературы слѣдующіе періоды:

1) Періодъ восторга. Инстинктивное, неопредѣленное ощущеніе своей силы. Поверхностное или фальшивое знакомство съ Европою.

2) Періодъ обмана. Дѣйствительное знакомство съ Европою и обманчивое примиреніе нашей жизни съ ея идеями.

3) Пушкинъ. Эпоха, завершающая два предъидущіе періода. Въ одно время: поэтическое признаніе русской жизни и ея теоретическое отрицаніе.

Digitized by Google

4) Западники и славянофилы. Борьба между отрицаніемъ русской жизни и признаніемъ ея самостоятельности. Въ художествѣ: развитіе задатковъ, положенныхъ Пушкинымъ.

5) Нигилисты. Отрицаніе русской жизни вмѣстѣ съ отрицаніемъ европейской.

V. Нигилизмъ. Причины его происхожденія и силы.

Нигилизмъ есть явленіе нашей умственной жизни, представляющее великое множество безобразій. Всѣмъ извѣстны эти безобразія, они описаны въ повѣстяхъ и романахъ; каждый о нихъ разсказываетъ съ разными добавленіями и варіантами.

Поэтому первое невольное отношеніе, въ которое мы становимся къ нигилизму, есть высокомѣріе. Мы обыкновенно смотримъ на него презрительно, смѣемся надъ нимъ какъ надъ дѣтскимъ неразуміемъ или возмужалымъ сумасбродствомъ.

Справедливо ли это? Справедливо ли судить о какомъ бы то ни было фактѣ умственной жизни по однимъ его безобразнымъ проявленіямъ? Самыя безобразія, чѣмъ чаще и обильнѣе они происходятъ — не свидѣтельствуютъ ли только о силѣ источника, изъ котораго они проистекаютъ, не представляютъ ли очевидно крайностей, до которыхъ неизбѣжно должно вырождаться въ иныхъ послѣдователяхъ настроеніе, глубоко проникающее въ умы?

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитіе; но всего прискорбнѣе то, что мы вѣчно, то съ той, то съ другой точки зрѣнія, плюемъ на эту литературу и на это развитіе. Русскій человѣкъ такъ или иначе всегда находитъ средство выскочить изъ своей литературы и изъ

Digitized by Google

своего развитія, стать если не выше ихъ, то въ сторонѣ отъ нихъ, и во всякомъ случаѣ относиться къ нимъ если не презрительно, то вполнѣ равнодушно. Все это—явные признаки слабости нашей литературы и нѣкоторой уродливости нашего развитія, по которой оно никогда не достигаетъ полнаго и всеобщаго вліянія, не имѣетъ силы внушить къ себѣ уваженіе всѣмъ и каждому.

Пушкинъ написалъ, что Ломоносовъ имѣлъ вредное вліяніе на нашу словесность. Карамзина многіе почитали и почитаютъ также вреднымъ писателемъ за проповѣдь истинъ въ родѣ такой: «народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ» и пр., и вообще за весь тонъ его исторіи. Самъ Пушкинъ, соблазнъ и камень преткновенія для всякихъ теорій и просвѣщенныхъ взглядовъ, долженъ быть признанъ вреднѣйшимъ изъ русскихъ писателей, такъ-какъ, по выраженію одного критика, онъ поэтъ эротическій и военный, слѣдовательно мѣшающій развитію всякаго серьезнаго и какъ-бы сказать гражданскаго чувства. А что такое славянофилы въ глазахъ западниковъ? Нелѣпые мечтатели. Что такое западники въ глазахъ славянофиловъ? Неосновательные болтуны.

И такъ далѣе.

Принимая все это въ соображеніе, имѣя въ виду общую неправильность въ развитіи нашей литературы, всегдашнюю косвенность ея пути, и убѣдившись въ то же время, что ея явленія имѣютъ однакоже глубокій смыслъ, мало разумѣемый и обыкновенно пренебрегаемый, мы въ правѣ требовать серьезнаго отношенія и къ нигилизму, въ правѣ ожидать, что въ немъ обнаружились какія-нибудь немаловажныя черты нашей духовной жизни и сдѣланы нѣкоторые шаги въ прогресѣ нашего самосознанія.

Прежде всего нигилизмъ есть нѣкоторое западничество. Онъ возникъ подъ вліяніемъ Запада, слѣдовательно подъ тѣмъ вліяніемъ, которое такъ давно и такъ сильно на насъ дѣйствовало и постоянно дѣйствуетъ. Напрасно у насъ нѣкоторые критики и публицисты, ради пущаго уни-

Digitized by Google

женія нигилизма, увѣряютъ, что онъ есть наше доморощенное, туземное сумасбродство, что на Западѣ ничего подобнаго не существуетъ, а все идетъ чинно, стройно и благополучно. Совершенно ясно, что умственныя явленія Запада дали точки опоры для развитія нашего нигилизма, явленія, давно тамъ зародившіяся, имѣющія силу и будущность, и потому составляющія постоянный источникъ, постоянную поддержку для нашего нигилистическаго движенія. Нигилизмъ, какого бы оттѣнка онъ ни былъ, всегда характеризуется великимъ уваженіемъ къ Западу, всегда имѣетъ тамъ какихъ нибудь божковъ и оракуловъ, можетъ быть, превратно понимаемыхъ, но отъ всего сердца поклоняемыхъ и славимыхъ. Это та сторона нигилизма, въ которой обнаруживается недостатокъ у насъ самостоятельнаго развитія—наше подчиненіе Западу.

Вовторыхъ, нигилизмъ есть не что иное, какъ крайнее западничество — западничество, послѣдовательно развившееся и дошедшее до конца. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ дѣйствительный, неизбѣжный прогресъ, и напрасно нѣкоторые наши западники чураются нигилизма, утверждая, что и нынѣ, какъ встарь, можно питаться западными взглядами и идеями, нимало не впадая въ нигилизмъ. Западъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи великъ и многообразенъ. Слѣдовательно, каждый можетъ въ немъ выбирать себѣ по вкусу, чему слѣдовать и подражать. На Западѣ много явленій отжившихъ, межеумочныхъ, фальшивыхъ, но держащихся тамъ въ силу упорнаго консерватизма исторіи, консерватизма, свойственнаго исторической жизни, какъ вообще всякой жизни. Кто хочетъ, тотъ и теперь можетъ преклоняться передъ католицизмомъ, и такіе поклонники, какъ извѣстно, у насъ еще не перевелись. Кто хочетъ, можетъ и теперь слѣдовать эклектической философіи Кузена; онъ найдетъ для себя по этой философіи цѣлую литературу, до сихъ поръ процвѣтающую. Кто хочетъ, тотъ можетъ и теперь слѣдовать правой гегелевской школѣ и толковать принципъ:

Digitized by Google

«что́ дѣйствительно, то́ разумно» въ самомъ консервативномъ и ретроградномъ духѣ.

Но русская мысль не остановилась, и не могла остановиться на этихъ и подобныхъ умственныхъ настроеніяхъ. Внутреннее расположеніе, естественное сродство тянули ее въ другую сторону. Мы не жили исторической жизнью Запада, для насъ не могли быть дороги формы, въ которыхъ она воплощалась. Эта жизнь являлась намъ издали, въ общемъ своемъ движеніи, въ крупныхъ и общихъ чертахъ, и слѣдовательно, по естественному ходу дѣлъ мы становились въ отношеніи къ ней въ роль судей и созерцателей; мы были чужіе для нея и смотрѣли на нее со стороны. Слѣдовательно, насъ долженъ былъ всегда привлекать нѣкоторый общій смыслъ этой жизни, а никакъ не частныя ея проявленія.

Глядя на Западъ, мы, если преклонялись передъ его духовною жизнью, то должны были послѣдовательно отрицать всю русскую жизнь, весь ея смыслъ. Такъ поступилъ Чаадаевъ, и не нужно забывать, что это естественная, необходимая точка зрѣнія. Полное признаніе съ одной стороны требовало полнаго отрицанія съ другой. Отсюда уже можно было предвидѣть, что это признаніе, покупаемое такою дорогою цѣною, не можетъ долго держаться, и что если оно перейдетъ въ сомнѣніе, то не остановится на половинѣ, а должно дойти до такого же полнаго отрицанія.

Всматриваясь въ общій смыслъ западной жизни, мы не могли не замѣтить той печати разрушенія, которая лежитъ на ней, тѣхъ усилій отрицанія, которыя разъѣдаютъ ея формы. Въ нашемъ положеніи мы не могли быть слѣпыми для этихъ явленій, и отрицаніе, развившееся на самой почвѣ этой жизни, должно было привлечь наше полное сочувствіе, такъ-какъ мы у себя дома были также отрицателями. Человѣкъ, скептически относившійся къ православію, по сущности дѣла не могъ питать прочнаго благоговѣнія къ католицизму. Такъ и во всемъ остальномъ. Западъ самъ училъ насъ, что его формы преходя-

Digitized by Google

ція, что все подчинено теченію, измѣненію, прогресу; и мы, столь жаждавшіе измѣненій у себя дома, жадно примкнули къ этому ученію. Мы повѣрили всею душою теоріи прогреса, которая утверждала, что рано или поздно не останется въ старой Европѣ камня на камнѣ; мы не захотѣли исповѣдывать то, что должно было скоро отжить и разрушиться, а прямо примкнули къ новому, къ будущему, къ надеждамъ и порываніямъ впередъ.

Въ Европѣ, какъ извѣстно, есть рядъ писателей и дѣятелей, которые отвергаютъ всѣ принципы, служившіе основою ея жизни. Въ Европѣ развилась критика, постепенно распространившая свою дѣятельность на всѣ сферы, на всѣ явленія тамошней жизни. Мы быстро и вѣрно усвоили себѣ всѣ пріемы этой критики, такъ-какъ именно она представляла наибольшее сродство съ нашимъ умственнымъ настроеніемъ. Нельзя удивляться тому, что, напримѣръ, со временъ Чаадаева число поклонниковъ католицизма ни мало не возрасло у насъ, что, напротивъ, число послѣдователей лѣвой гегелевской школы, Прудона, Фурье и т. д., становилось все больше и больше. Печальный, всеотрицающій взглядъ на человѣческія отношенія былъ намъ больше по вкусу, чѣмъ какіе-нибудь восторги передъ явленіями намъ чуждыми и немогшими вполнѣ удовлетворить нашихъ требованій.

Собственно мы требовали отъ Европы полнаго нравственнаго мѣрила, полнаго всеразрѣшающаго взгляда, совершенно твердаго руководящаго начала; а ничего подобнаго Европа намъ дать не могла. Мы оказались въ положеніи учениковъ, которые сперва твердо вѣровали въ своихъ учителей, но мало-по-малу разочаровывались въ нихъ и убѣдились, что ждать отъ нихъ намъ нечего.

Положеніе по сущности дѣла безотрадное; это полный мракъ, безвыходное отчаяніе. Между тѣмъ, какъ Европа такъ или иначе жила своими старыми началами, мы уже не могли на нихъ остановиться и успокоиться, и остались безъ всякихъ началъ, въ непроницаемомъ мракѣ. Сознаніе такого отчаяннаго положенія выразилось у насъ съ боль-

Digitized by Google

шою силою. Сюда именно относится дѣятельность Герцена раньше изданія «Колокола». Остроумная и глубоко-грустная книжка «Съ того берега» выражаетъ какъ нельзя лучше положеніе русскаго, оторвавшагося отъ Россіи и вполнѣ убѣдившагося, что онъ не можетъ примкнуть къ Европѣ, что жизнь Запада не можетъ его привязывать къ себѣ, не даетъ никакой пищи его душѣ. Герценъ пророчитъ гибель западной цивилизаціи; это нашъ первый отчаявшійся западникъ.

Отсюда, казалось бы, прямой переходъ къ признанію своей народности, къ преклоненію передъ ея началами. Но жизнь идетъ медленно, и наши блужданія потому-то и имѣютъ такую длинную и грустную исторію, что вызваны нашими жизненными условіями, а не составляютъ простыхъ теоретическихъ ошибокъ.

Многихъ удивляло, что нигилизмъ у насъ распространился и усилился тогда, когда въ Европѣ были нанесены жестокіе и почти уничижительные удары соціализму и всяческому радикализму. Но въ томъ-то и дѣло, что нигилизмъ нельзя разсматривать, какъ простое отраженіе на насъ Запада, а слѣдуетъ видѣть въ немъ чисто-русское явленіе, возникшее только подъ вліяніемъ западныхъ явленій. Было бы очень плачевно, еслибы наши умы представляли лишь простую косную массу, въ которой каждое движеніе пропорціонально толчкамъ, получаемымъ извнѣ. Ради униженія нигилизма многіе трактовали его, какъ такое явленіе косности нашей умственной жизни. Нигилизмъ часто причисляется къ недоваренным объѣдкамъ чужихъ мыслей; одинъ нашъ знаменитый писатель видитъ въ немъ изношенный башмакъ Фурье, который мы съ благоговѣніемъ пронесли на своей головѣ.

Фурье! Этотъ писатель, сравнительно говоря, почти неизвѣстенъ въ Россіи; большинство приверженцевъ нигилизма, конечно, съ изумленіемъ должно узнать, что собственно онъ есть тайное божество, которому въ сокровеннѣйшемъ святилищѣ поклонялись главнѣйшіе адепты ни-

Digitized by Google

гилизма. Поэтому, именно Фурье служитъ лучшимъ доказательствомъ, что если для нигилизма необходимъ какой-нибудь идолъ, то однакоже свойства самого идола тутъ ничего не значатъ и исповѣдываніе вѣры отъ него почти не зависитъ. Ученія, признаваемыя поклонниками, создаются ими самими, и они готовы потомъ удивляться, если имъ докажутъ, что того или другого изъ этихъ ученій не признавали ихъ идолы.

Нигилизмъ есть отрицаніе всякихъ сложившихся формъ жизни, отрицаніе, которое мы, въ силу особеннаго нашего развитія, заимствовали изъ Европы преимущественно передъ многимъ другимъ, и которое, въ силу тѣхъ же особенностей развитія, стало у насъ хроническимъ.

Какъ мысль, органически привившаяся, нигилизмъ органически и развивается, извнутри, собственною силою, не требуя стороннаго руководства и поддержки, а нуждаясь только въ пищѣ, которую онъ уже способенъ претворить въ свою плоть.

Этою пищею можетъ служить и Фурье, но могутъ служить и преимущественно служатъ другіе писатели, часто, по видимому, совершенно чуждые духу нигилизма. Невозможно не удивляться той чуткости, которую нигилизмъ обнаруживаетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ западнымъ писателямъ; онъ всегда вѣрно угадываетъ тѣ книги, въ которыхъ есть для него питательные соки. Такъ, между прочимъ, сочувствіемъ нигилизма пользуются англійскіе мыслители за свой скептицизмъ и эмпиризмъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ они безконечно далеки отъ дерзостей нигилизма. Многіе упрекали нигилизмъ за эти и подобныя противорѣчія, упуская изъ виду, что такимъ образомъ они нападаютъ на организующую силу этого настроенія.

Нигилизмъ есть прежде всего и главнѣе всего — отрицаніе; это его основная и здоровая, правильная черта. Все, что можетъ служить опорою для отрицанія, все, что даетъ отрицанію разумность и право, все идетъ въ прокъ нигилизму, составляетъ его законную пищу, законный

Digitized by Google

источникъ. Русская жизнь, которою въ сущности дѣла вызывается это отрицаніе, вызываетъ его съ двухъ сторонъ. Слабость нашего духовнаго развитія, неясность, неформулированность его глубокихъ основъ, внушаютъ смѣлость отрицать эти основы, отвергать ихъ состоятельность въ силу тѣхъ требованій и задачъ, съ которыми мы, по видимому, имѣемъ полное право приступать къ нимъ. Съ другой стороны, безобразія, которыми преисполнена русская жизнь, составляютъ еще болѣе распространенную и общедоступную пищу отрицанія. Можно сказать утвердительно, что каждое безобразіе, творимое нынѣ на русской землѣ, имѣетъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ, между прочимъ, и усиленіе нигилизма, отражается въ его пропорціональномъ наращеніи.

Эта здоровая сторона нигилизма никогда не должна быть упускаема изъ виду. Скептицизмъ, недовѣріе, отсутствіе наивности, насмѣшливость, бездѣятельная, но умная лѣность,—всѣ эти черты русскаго характера находятъ здѣсь себѣ исходъ.

Но тутъ же обнаружились и другія, болѣе плачевныя черты; въ русской натурѣ есть задатокъ глубокаго цинизма, составляющаго какъ-бы противовѣсъ чистому и высокому энтузіазму, тоже несомнѣнно таящемуся въ русскихъ душахъ. Совершенно ясно, что въ русскомъ характерѣ лежатъ какія-то непримиренныя требованія, какія-то одно другому противорѣчащія стремленія. Трудно намъ проникнуться къ чему либо пламеннымъ восторгомъ, и ядовитая струйка сѣвернаго холода готова примѣшаться къ каждому нашему увлеченію.

Холодность, доходящая до цинизма, до отрицанія всѣхъ теплыхъ и живыхъ движеній души человѣческой, составляетъ ту почву, на которой удобно укрѣпились и разрослись извѣстныя ученія нигилизма. Непониманіе искусства составляетъ здѣсь явленіе, параллельное глубокому непониманію жизни. Цѣлые ряды человѣческихъ чувствъ и отношеній занесены нигилизмомъ въ разрядъ фальшивыхъ явленій: вся индивидуализирующая, фигурная, цвѣтная сторона

Digitized by Google

жизни подвергается отрицанію. Весьма замѣчательно, что съ понятіемъ такой обезцвѣченной и обезличенной жизни у насъ сочетался нѣкоторый эвдемонизмъ, дѣтское представленіе, будто жизнь, лишенная своей формующей силы, неимѣющая никакихъ центровъ тяжести, чуждая всякихъ красокъ и всякой перспективы, будетъ легче, спокойнѣе, радостнѣе.

Эти блѣдныя фантазіи, можетъ быть, составляютъ только доказательство того, какъ блѣдна, какъ мало имѣетъ нормальнаго содержанія дѣйствительная жизнь, среди которой онѣ возникаютъ. Вообще, въ цѣломъ нигилизмъ представляетъ въ себѣ много молодого, такъ-какъ молодость предполагаетъ незнакомство съ жизнью. Въ нигилизмѣ отразилось то, что мы еще чужды настоящей жизни, политической, общественной, научной, художественной и проч.

Итакъ, нельзя не видѣть, что нигилизмъ хотя развился подъ вліяніемъ Запада, но главныя свои условія нашелъ въ особенностяхъ нашего внутренняго развитія. Самая лучшая и самая важная его сторона есть попытка освобожденія ума отъ тѣхъ узъ, которыя тяготѣютъ надъ русскимъ человѣкомъ. Очень смѣшны всѣ эти господа, рѣшающіе нынѣ всяческіе вопросы собственнымъ умомъ; весьма нелѣпы рѣшенія, къ которымъ они приходятъ; но самый принципъ, порождающій эти дикія попытки, нисколько не смѣшонъ и не нелѣпъ. Жизнь требуетъ какого-нибудь выхода. Ужели можно было ждать чего-нибудь нормальнаго и красиваго отъ людей, разорвавшихъ связь со своею исторіею и народностію? Подчиненіе чужой исторіи, чужой духовной жизни, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ Чаадаевъ, не есть выходъ, а только продолженіе той же нелѣпости, того же разрыва. Волей-неволей приходилось равно оттолкнуть отъ себя и ту и другую сторону, остаться на воздухѣ, между небомъ и землею, и мечтать о переселеніи на луну, или, по крайней мѣрѣ, на необитаемый островъ, гдѣ бы можно было завести новое человѣчество.

Положеніе дикое, но неизбѣжно требуемое ходомъ дѣла и представляющее шагъ впередъ въ нашемъ мудреномъ развитіи.

Digitized by Google

VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сокровищѣ нашей литературы.

Бѣдна наша литература, но у насъ есть Пушкинъ.

Пока будетъ существовать русскій народъ и русскій языкъ, и даже болѣе — пока «живъ будетъ хоть одинъ піитъ», пока для людей будетъ существовать поэзія, до тѣхъ поръ будутъ говорить о Пушкинѣ, до тѣхъ поръ люди будутъ погружаться въ созерцаніе этого удивительнаго свѣтила, услаждать и просвѣтлять свою душу его чистыми лучами, его безупречно яснымъ сіяніемъ.

Есть нѣчто безумное (скажемъ высокимъ слогомъ, чтобы не употреблять другихъ словъ, можетъ быть болѣе точныхъ и справедливыхъ, но не гармонирующихъ съ важностію предмета, о которомъ мы заговорили), есть нѣчто поразительно-безумное во многихъ сужденіяхъ и толкованіяхъ, которымъ подвергался Пушкинъ въ нашей — какъ бы сказать? — дѣйствовавшей литературѣ, той части литературы, которая, исполнившись непобѣдимой вѣры въ свои силы и свое призваніе, принялась все рѣшать вновь, взяла на себя установить надлежащій взглядъ на всѣ вещи въ мірѣ, а между прочимъ и на русскую литературу. Не всегда слѣдуетъ быть строгимъ къ сужденіямъ людей; мы даже впадемъ въ смѣшное, если слишкомъ усердно будемъ гоняться за несостоятельностію этихъ сужденій. Гораздо полезнѣе и правильнѣе искать въ каждомъ сужденіи истинныхъ его поводовъ, и слѣдовательно, правдивой его стороны. Человѣкъ даже мало развитый и проницательный, если судитъ искренно и добросовѣстно, все-таки касается какой-нибудь дѣйствительной черты обсуждаемаго предмета, такъ что при надлежащемъ вниманіи можно дать его сужденію совершенно здравое истолко-

Digitized by Google

ваніе. Но разбирая сужденія о Пушкинѣ, о которыхъ мы завели рѣчь, почти нѣтъ возможности стать даже и на такую точку зрѣнія.

Прежде всего, здѣсь васъ поражаетъ безмѣрная диспропорція между предметомъ этихъ сужденій и силами и пріемами судящихъ. Съ одной стороны вы видите явленіе громадное, глубокое, ширящееся въ безконечность, явленіе, въ которомъ отзывается вѣчная красота души человѣческой, воплощаются ея безпредѣльныя стремленія; съ другой стороны вы видите людей съ микроскопически-узкими и слѣпыми взглядами, съ невѣроятно короткими мѣрками и циркулями, предназначаемыми для измѣренія и оцѣнки великаго явленія. Эти люди очевидно лишены всякихъ средствъ справиться съ задачею, которую они себѣ предлагаютъ. И вотъ почему ихъ усилія, дерзкія, самодовольныя, а въ дѣйствительности невозможныя и нелѣпыя, производятъ впечатлѣніе безумія.

Въ нашъ много-умный вѣкъ непониманіе великаго часто также идетъ за признакъ ума; между тѣмъ, въ сущности, не составляетъ ли это непониманіе самаго разительнаго доказательства умственной слабости?

Изъ всѣхъ явленій русской жизни, Пушкинъ всего настоятельнѣе требуетъ такого отношенія къ себѣ, какого требуетъ вообще поэзія, искусство, красота, т. е. прежде всего—созерцанія. Полемизировать съ Пушкинымъ, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ критиковъ—есть великая нелѣпость; больше, чѣмъ кого-нибудь, Пушкина слѣдуетъ изучать, и тотъ отнесется къ нему всего правильнѣе, кто всѣхъ больше извлечетъ изъ него поученія, кто всѣхъ больше найдетъ въ немъ откровеній, указаній на глубокій и сокровенный смыслъ явленій души человѣческой вообще и русской души въ особенности.

Такъ-какъ все у насъ забывается, все быстро изглаживается изъ памяти, такъ-какъ умы наши, слишкомъ подавленные многоразличными заботами, слишкомъ развлеченные постоянно надвигающимися, въ различныхъ видахъ и формахъ возобновляющимися задачами, рѣдко поль-

Digitized by Google

зуются тѣмъ состояніемъ спокойствія, которое необходимо для остановки на прошломъ и правильной его оцѣнки, то мы считаемъ нелишнимъ указать здѣсь нѣкоторыя черты историческаго и вѣковѣчнаго значенія Пушкина.

Мы вообще мало вѣримъ въ себя и до сихъ поръ принуждены отдавать себѣ отчетъ въ своихъ силахъ; даже столь яркое явленіе, какъ Пушкинъ, не составляетъ для насъ твердой точки опоры; такъ, сомнѣваясь въ своемъ духовномъ значеніи для нашихъ братьевъ славянъ, мы сдѣлали предположеніе, что, можетъ быть, они превзойдутъ насъ въ поэзіи, и что тогда, можетъ быть, «стихи Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостигшихъ умѣнья владѣть вполнѣ образованной рѣчью!»

Превзойти Пушкина! Отодвинуть его произведенія въ разрядъ ученическихъ попытокъ! Подобная вѣра въ быстроту и силу человѣческаго прогреса, подобный нигилизмъ въ отношеніи къ драгоцѣннѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы, едва-ли однакожъ многихъ поразитъ изумленіемъ въ надлежащей степени. Такова у насъ слабость сознанія нашей духовной жизни, такова шаткость во взглядахъ на нее. Немногіе чувствуютъ, а еще менѣе знаютъ, что Пушкина отодвигать некуда, что затмѣвать его невозможно, что самыя эти выраженія, взятыя изъ ходячихъ формулъ прогреса, непристойны въ сужденіяхъ о предметахъ этого рода. Викторъ Гюго въ своей книгѣ о Шекспирѣ утверждаетъ, что великіе поэты должны быть признаваемы равными между собою. Хотя это все-таки формула, но она несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ размѣщеніе поэтовъ по нѣкоторой лѣствицѣ превосходства и преемственной послѣдовательности.

Но немногіе у насъ признаютъ, что Пушкинъ великій поэтъ, что для оцѣнки его необходимо подниматься на эти возвышенныя точки зрѣнія. Возьмемъ сперва внѣшнюю сторону. Мы, повидимому, еще не считаемъ свой литературный языкъ вполнѣ готовымъ орудіемъ для воплощенія высокихъ созданій духа. Если можно было сдѣлать пред-

Digitized by Google

положеніе, что стихи и проза Пушкина не достигаютъ полнаго умѣнья владѣть образованной рѣчью, то, значитъ, подобнаго умѣнья вообще еще не достигла русская литература.

Эта мысль нетолько возможна, но многіе весьма искренно ее исповѣдуютъ. Въ языкѣ у насъ, по видимому, существуетъ значительная разноголосица, и разныя попытки обновить языкъ, внести въ него ту или другую струю, какъ будто доказываютъ, что нашъ литературный языкъ еще не установился. Подобное мнѣніе намъ кажется весьма неправильнымъ. Ту свободу, которою пользуются наши писатели въ отношеніи къ языку и которая доказываетъ полную зрѣлость этого языка, они все еще, по старой привычкѣ, принимаютъ за признакъ несовершенства языка, за признакъ его неустановленности.

Приведемъ здѣсь слова одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ филологовъ, весьма опредѣленно указывающія на состояніе нашего литературнаго языка и на значеніе Пушкина въ этомъ языкѣ. Вотъ что было сказано лѣтъ двѣнадцать назадъ:

«Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи».

«Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ дѣятельности нашего поэта окончилось развитіе этого порядка; въ ней, наконецъ, успокоился внутренній трудъ образованія языка; въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ этой области, раздѣлалась съ нею, и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій русскій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы и дающій полную возможность для всякаго умственнаго развитія».

«Русскій языкъ, слава Богу! окончательно образовался и не нуждается ни въ какихъ блюстителяхъ. Писатели, которые въ настоящее время грѣшатъ противъ духа и законовъ языка, вредятъ только своей мысли: языку же вре-

Digitized by Google

дить отнюдь не могутъ и заботы о немъ совершенно излишни».

«Геніемъ Пушкина завершенъ рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія».

«Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи русской рѣчи. видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній».

«У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслью, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе» («Русск. Вѣстн.», 1856, кн. 2).

Исторія нашей литературы послѣ Пушкина какъ нельзя лучше подтверждаетъ эти положенія. Никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло въ нашемъ языкѣ; нельзя указать въ немъ никакого новаго періода, хотя бы слабо отличающагося отъ предъидущаго. Послѣдняя повѣсть Тургенева писана вполнѣ пушкинскимъ языкомъ; а всяческія отступленія и новаторства, нынче очень обыкновенныя въ литературѣ, суть очевидно только колебанія въ предѣлахъ той же мѣры, той же основной гармоніи, которая найдена Пушкинымъ. Нынѣ очень часто пишутъ и переводятъ языкомъ, напоминающимъ до-карамзинское время; другіе, избѣгая этой мертвенной книжности, до того переполняютъ рѣчь изысканно русскими оборотами и словами, что ихъ читать невозможно (Кохановская, Бицынъ). И то и другое составляетъ умышленное или неумышленное нарушеніе надлежащей мѣры нашего литературнаго языка, мѣры не предполагаемой, не составляющей нѣкотораго достижимаго будущаго, а уже существующей, уже указанной ясными чертами въ произведеніяхъ Пушкина.

Обратимся теперь къ внутреннему значенію Пушкина. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ его значенію въ исторіи нашего языка. Мы приведемъ здѣсь свидѣтельство одного знаменитаго нѣмецкаго критика, Варнгагена фон-Энзе.

Digitized by Google

Сужденія этого критика въ этомъ случаѣ тысячекратно основательнѣе, чѣмъ нашихъ отечественныхъ мыслителей (за исключеніемъ одного, о которомъ современемъ мы скажемъ подробно и ясно, какъ всегда слѣдуетъ говорить для нашихъ читателей) *). Но кромѣ того сужденія этого нѣмца отличаются такой очевидной искренностію, такимъ избыткомъ глубокаго и самостоятельнаго убѣжденія, что болѣе всякихъ другихъ способны поразить разумѣющаго читателя.

Варнгагенъ фон-Энзе говоритъ, что въ Пушкинѣ явилась на свѣтъ русская поэзія, которой до тѣхъ поръ не существовало. «Мы можемъ видѣть на себѣ — прибавляетъ онъ—какъ долго можетъ замедлиться развитіе этого цвѣтка, при роскошномъ процвѣтаніи другихъ сторонъ народной жизни: наша поэзія со вчерашняго дня; до Гёте и Шиллера нѣмцы не имѣли поэта—выразителя ихъ совокупнаго образованія во всей его цѣлости».

Что для нѣмцевъ Гёте и Шиллеръ, то для насъ Пушкинъ; то-есть, вопервыхъ, онъ поэтъ въ высшемъ смыслѣ слова; онъ, по выраженію Виктора Гюго, принадлежитъ къ сонму «равныхъ», а вовторыхъ, по этому самому онъ «поэтъ оригинальный, поэтъ самобытный». На этомъ второмъ положеніи критикъ останавливается съ особенной настойчивостію, какъ на весьма существенномъ, тѣмъ больше, что, по его словамъ, «русскіе сами, по скромности или осторожности, нерѣдко называютъ Пушкина подражателемъ», и онъ находитъ, что «они уже слишкомъ далеко простерли эту скромность или эту осторожность».

Критикъ постарался вслѣдствіе этого характеризовать особенность пушкинской поэзіи, и вотъ эту-то характеристику, составляющую лучшее и центральное мѣсто статьи, мы и напомнимъ читателямъ. Сопоставляя Пушкина съ Байрономъ и Шиллеромъ, Варнгагенъ фон-Энзе говоритъ:

«Въ немъ та же противоположность и раздоръ мечты съ дѣйствительностію, та же тоска, то же полное сомнѣній уныніе, та же печаль по утраченномъ и грусть по недо-

*) Аполлона Григорьева. *Поздн. Прим.*

Digitized by Google

стижимомъ счастіи, та же разорванность и величественная, великодушная преданность — всѣ эти качества, особенно преобладающія въ Байронѣ. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его отъ нихъ, состоитъ въ томъ, что онъ живымъ образомъ слилъ всѣ исчисленныя нами качества съ ихъ рѣшительной противоположностію, именно—съ свѣжею духовною гармоніею, которая, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь его поэзію и всегда, при самыхъ мрачныхъ ощущеніяхъ, при самомъ страшномъ отчаяніи, подаетъ утѣшеніе и надежду. Въ гармоніи, въ этомъ направленіи къ мощному и дѣйствительному, укрѣпляющемъ сердце, вселяющемъ мужество въ духъ, мы можемъ сравнить его съ Гёте. Истинная поэзія есть радость и утѣшеніе, и для того, чтобы быть этимъ, она нисходитъ до всѣхъ страданій и горестей. Укрѣпляющую, живительную силу Пушкина испытаетъ на себѣ всякій, кто будетъ читать его созданія. Его геній столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Свѣтлая гармонія, бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всѣ другія его свойства пробѣгаютъ, какъ тѣни, или лучше, какъ оттѣнки. Его характеру вполнѣ равновѣсно его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно-самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго, всякаго con amore набираемаго хлама. Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая каждый предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе— все соединяется для того, чтобы произвесть самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ безпре-

Digitized by Google

рывно-занятаго и безпрерывно-свободнаго, ни минуты не мучимаго читателя».

Вотъ страница, которая, можно предполагать, навсегда свяжетъ имя нѣмецкаго критика съ именемъ нашего великаго поэта. Каждый, кто знакомъ съ Пушкинымъ, даже не глубоко, согласится, что черты этой яркой характеристики виолнѣ идутъ къ прекрасному образу пушкинской поэзіи. Замѣтимъ поразительное обстоятельство. Изъ словъ Варнгагена фон-Энзе ясно видно, что и по духу и по формѣ, эта поэзія всего ближе подходитъ къ идеалу истинной поэзіи, что въ немъ самый чистый (наиболѣе гармоническій) духъ воплотился въ самой чистой формѣ. И таково дѣйствительно значеніе Пушкина для всякаго, кто успѣлъ понять и полюбить его. Какъ бы ни были величавы и многозначительны произведенія другихъ поэтовъ, Пушкинъ для каждаго понимающаго есть поэтъ несравненный, такъ-сказать, самый поэтичный изъ поэтовъ.

Замѣтимъ еще также, что въ Пушкинѣ, какъ въ величайшемъ представителѣ нашей литературы, отразились всѣ черты, характеризующія нашу литературу. Способность Пушкина къ шутливому и ироническому, способность, очевидно, поразившая Варнгагена фон-Энзе въ такомъ возвышенномъ и нѣжномъ поэтѣ, есть общая особенность, общая сильная струна нашей литературы, столь нетерпящей ничего прѣснаго, и столь любящей лить слезы сквозь видимый міру смѣхъ. Точно такъ быстрая краткость выраженія, свѣжесть образовъ, естественность, довольствующаяся самыми простыми словами, всѣ эти качества до сихъ поръ составляютъ замѣтное и сознательно-цѣнимое достоинство нашихъ писателей. Даже самые маленькіе изъ нихъ не любятъ ничего изысканнаго, растянутаго, никакого con amore набираемаго хлама. Вслѣдствіе этого общаго свойства, наша литература вообще отличается малымъ объемомъ, быстрою краткостію своихъ произведеній и періодовъ. Содержаніе ея гораздо глубже и значительнѣе, чѣмъ можно

Digitized by Google

подумать судя по ея малому объему, по ея скупости на форму, на выраженіе.

Но обратимся къ Пушкину. Ему не чуждо было сознаніе своего величія. Этому простому человѣку (одному изъ простѣйшихъ, какіе были въ мірѣ, по замѣчанію нѣкотораго критика), добродушно признававшему себя орудіемъ какой-то высшей силы, должно быть иногда странно было чувствовать себя такъ высоко. По временамъ, однакоже, онъ ощущалъ въ себѣ такую могучую увѣренность, такъ свободно носились его крылья по чистой эѳирной области, которой онъ былъ жителемъ, что душа его наполнялась гордой радостію, и онъ невольно бросалъ съ своихъ высотъ на другіе умы взглядъ, такъ-сказать, играющій высокомѣріемъ.

Въ одно изъ такихъ временъ добродушный Пушкинъ написалъ двѣ пародіи, именно «Лѣтопись села Горохина», пародію на «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, и такъ-называемыя второе и третіе «Подражанія Данту», составляющія пародію на «Адъ Божественной Комедіи» Данта. Сколько помнится, никогда не было указано на такое значеніе этихъ произведеній; между тѣмъ оно несомнѣнно, и мы указываемъ на него, какъ на свидѣтельство тѣхъ проблесковъ сознанія своего величія, которые въ этомъ случаѣ, то-есть у Пушкина, доказываютъ самое величіе.

Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о томъ, что такое пародія. Читатели, привыкшіе къ современнымъ ходячимъ пародіямъ, пожалуй, видятъ въ нихъ что-то не совсѣмъ хорошее, и готовы будутъ найти, что мы не дѣлаемъ чести Пушкину, приписавъ ему охоту упражняться въ этомъ родѣ поэзіи. Пародія составляетъ нынче большею частію безтолковое глумленіе надъ пародируемымъ произведеніемъ, состоящее въ безцеремонномъ искаженіи его смысла, тона и духа. Это дѣло легкое и безплодное, въ которомъ талантъ замѣняется грязнымъ воображеніемъ, одѣвающимъ въ пошлость все, что ни видитъ передъ собою.

Digitized by Google

Не такова настоящая, поэтическая пародія. Она требуетъ глубокаго и строгаго проникновенія въ духъ и манеру писателя, который пародируется. Чѣмъ ближе пародія къ подлиннику, тѣмъ она выше. Вовторыхъ, такая пародія требуетъ полнаго и мѣткаго указанія тѣхъ противорѣчій, которыя пародируемый писатель представляетъ въ отношеніи къ дѣйствительности или къ идеалу; слѣдовательно, такая пародія требуетъ яснаго пониманія этой дѣйствительности, этого идеала; она вызывается этимъ пониманіемъ, и служитъ для его выраженія и проясненія. Такимъ образомъ, изъ-за настоящей пародіи долженъ выглядывать тотъ взглядъ на предметъ, то лучшее и высшее его пониманіе, противъ котораго фальшивитъ пародируемый авторъ.

Въ такомъ смыслѣ, какъ обличеніе фальши передъ истиною, пародія есть вполнѣ поэтическое дѣло, вызываемое дѣйствительною поэтическою потребностію и требующее высокаго таланта. И въ этомъ смыслѣ пародіи Пушкина суть произведенія удивительныя по глубинѣ и мастерству, лучшія пародіи, какія когда либо были писаны.

Сдѣлаемъ еще отступленіе. Пародіи Пушкина писаны въ 1830 году, въ самомъ плодотворномъ году его дѣятельности. По мнѣнію П. В. Анненкова, впрочемъ, пародія на Данта писана нѣсколько позднѣе, въ 1832 году. Но Пушкинъ до конца своей жизни никогда не думалъ печатать этихъ странныхъ произведеній, и они явились только послѣ его смерти въ «Современникѣ». Мы знаемъ, что въ послѣднее свое время Пушкинъ вообще боялся публики, поэтому медлилъ печатаніемъ своихъ вещей, или употреблялъ разныя уловки и предосторожности, чтобы охранить себя отъ неблагопріятныхъ сужденій. Въ отношеніи къ пародіямъ можно почти навѣрное сказать, что онѣ сдѣланы имъ только для себя. Это была свободная игра его могучаго генія, смыслъ которой едва-ли былъ бы доступенъ для его читателей.

Такимъ образомъ, эти произведенія составляютъ одно изъ указаній на тѣ широкіе размахи, къ которымъ спо-

Digitized by Google

собенъ былъ Пушкинъ, на тѣ глубокія и трудныя задачи, которыхъ онъ касался смѣло, какъ власть имущій. Подобныхъ геніальныхъ попытокъ не мало у Пушкина, и онѣ могутъ представить для насъ высокое поученіе, если мы уразумѣемъ ихъ въ настоящемъ смыслѣ.

Не имѣя въ виду изложить здѣсь полный анализъ двухъ пародій, о которыхъ мы говоримъ, приведемъ, однакоже, нѣкоторыя доказательства своего мнѣнія.

«Лѣтопись села Горохина» писана языкомъ карамзинской «Исторіи», этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искуственною и монотонною, но ясною мелодіею. Расположеніе пародіи напоминаетъ первый томъ «Исторіи Государства Россійскаго». Вступленіе соотвѣтствуетъ предисловію. Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи, и перешелъ съ тѣми же чувствами. «Мысль—пишетъ Бѣлкинъ — оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій давно тревожила мое воображеніе» (т. IV, стр. 223). Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ. «И вымыслы нравятся—говоритъ онъ—но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина» (Предисл. X). Взглядъ на значеніе исторіи у обоихъ совершенно одинаковъ. «Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя». Такъ пишетъ Бѣлкинъ, и такъ же начинаетъ Карамзинъ: «Исторія есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ» и пр.

За вступленіемъ слѣдуетъ списокъ источниковъ, какъ и у Карамзина; затѣмъ «Баснословныя Времена», соотвѣтствующія первой главѣ, и «Времена Историческія», соотвѣтствующія третьей главѣ перваго тома «Исторіи Государства Россійскаго».

Всего яснѣе параллельность двухъ послѣднихъ частей. Карамзинъ всячески восхваляетъ древнихъ славянъ; тѣмъ

Digitized by Google

же хвалебнымъ тономъ пишетъ Бѣлкинъ о своихъ горохинцахъ.

Карамзинъ: «Славяне имѣли въ странѣ своей истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства, и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ которомъ издревле упражнялись» (стр. 64).

Бѣлкинъ: «Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенным климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и грѣчиха».

Карамзинъ: «Греки, осуждая нечистоту славянъ, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые» (стр. 55).

Бѣлкинъ: «Обитатели Горохина, большею частію, роста средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе».

Карамзинъ: «Поляне были образованнѣе другихъ». «Древніе славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ-называемыхъ Искусствъ Изящныхъ». «Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы славянскіе донынѣ любятъ ихъ» (стр. 69).

Бѣлкинъ: «Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою».

Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ «Лѣтописи села Горохина» чувствуется удивительно-схваченная манера Карамзина; перечитывая потомъ первый томъ «Исторіи», нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго, и потому смѣшного противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ.

Итакъ, вотъ что сдѣлалъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ лукавую и веселую дерзость, далеко превосходящую

Digitized by Google

дерзости современныхъ намъ нигилистовъ. Онъ рѣшился подсмѣяться надъ нашими лѣтописями и надъ великимъ трудомъ Карамзина, безъ сомнѣнія, величайшимъ произведеніемъ русской литературы до Пушкина.

Но какая разница между взглядомъ поэта, умѣющаго видѣть больше другихъ людей, и тупымъ отрицаніемъ, опирающимся на одномъ непониманіи! Сквозь насмѣшки Пушкина сквозитъ истина дѣла; какъ живое, встаетъ передъ вами Горохино, и вы начинаете догадываться, въ какомъ правдивомъ свѣтѣ можно бы изложить исторію нашихъ предковъ. Карамзинъ, очевидно, употребилъ для этой исторіи чужія мѣрки, облекъ ее въ ложныя краски; Пушкинъ глубоко почувствовалъ фальшь и попробовалъ сдѣлать нѣсколько штриховъ, вполнѣ вѣрныхъ дѣйствительности: контрастъ вышелъ поразительный.

Для нашихъ историковъ «Лѣтопись села Горохина» должна служить постояннымъ указаніемъ на то, къ чему они должны направлять всѣ усилія при изображеніи далекой старины, людей и нравовъ, стоящихъ на совершенно иныхъ ступеняхъ развитія, имѣющихъ совершенно иныя формы жизни. Всему своя мѣра.

Не такъ легко опредѣлить смыслъ пародіи на Данта. Но что это дѣйствительная пародія, въ этомъ легко убѣдиться. Кто читалъ, тотъ, конечно, помнитъ эти стихи, съ нестерпимо-рѣзкими образами:

И далѣ мы пошли — и страхъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ,
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ.
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Тутъ все Дантовское: краски, обороты, и въ содержаніи—соотвѣтствіе между казнью грѣшника и грѣхами, за которые эта казнь воздается. Для сравненія вотъ отрывокъ изъ XXI пѣсни «Ада». Дантъ видитъ чорнаго бѣса, который бѣжитъ «стуча копытами и хлопая крылами.»

Взваливъ себѣ на острыя плеча
И возлѣ пятъ когтьми вцѣпившись въ кости,
Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

«Вотъ старшина святыя Зиты!»...
. . . . . .

Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
И никогда съ такою быстротой
За воромъ песъ не гнался изъ конуры.

Тотъ въ глубь нырнулъ и всплылъ, облитъ смолой;
А демоны изъ-подъ скалы висячей
Вскричали: «Здѣсь иконы нѣтъ святой!»

. . . . . .
И сто багровъ въ него всадили вмигъ,
Вскричавъ: «Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ
И, если можешь, надувай другихъ!»

Такъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Крючками мясо погружать въ котлѣ.
Когда оно поверхъ воды всплываетъ.

(Переводъ Д. Мина. XXI, 34—57).

Очевидно, поэтическое чувство Пушкина было оскорблено грубою матеріальностью этихъ картинъ, избыткомъ въ нихъ яркихъ красокъ и рѣзкихъ движеній, заслоняющихъ внутреннее содержаніе. Въ этомъ ощущеніи дисгармоніи выразилась и разница между южной, итальянской натурой Данта и сѣверною природой нашего поэта, и, можетъ быть, другая, еще болѣе глубокая разница,—между міросозерцаніемъ Запада вообще и среднихъ вѣковъ въ особенности, и міросозерцаніемъ нашего времени и нашего русскаго духовнаго строя. Въ другихъ, уже серьезныхъ, а не пародическихъ терцинахъ Пушкинъ, кажется, пробо-

Digitized by Google

валъ олицетворять свои собственныя священныя идеи, и тогда получались уже совершенно иные образы. Вспомните эту величавую жену, которую поэтъ видѣлъ такъ ясно:

Ея чела я помню покрывало
И очи, свѣтлыя, какъ небеса.

Какая чистота линій, какое спокойствіе и простота въ этомъ образѣ, а между тѣмъ, онъ исполненъ невыразимаго величія:

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.

VI. Вредный характеръ нашей литературы.

Статья наша по необходимости вышла слишкомъ отрывочна и несоразмѣрна въ своихъ частяхъ: причина этого въ самомъ предметѣ, чрезвычайно трудномъ, и вмѣстѣ очень богатомъ. Мы не имѣли возможности ссылаться на общепринятыя истины, на ходячіе результаты; приходилось или пускаться въ подробныя объясненія, или дѣлать слишкомъ общіе и отрывочные очерки.

Въ заключеніе, мы хотѣли поговорить о вредѣ русской литературы — тема необыкновенно интересная и поучительная, на которую уже мы намекали. Странное явленіе! Эта бѣдная литература имѣетъ честь возбуждать къ себѣ сильное враждебное чувство съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Трудно даже сказать, есть ли люди, любящіе и уважающіе нашу литературу; люди же, питающіе къ ней вражду и считающіе ее злокачественнымъ элементомъ русской жизни — на лицо, и сужденія ихъ раздаются громко и часто.

Digitized by Google

Извѣстна всѣмъ непріязнь, исповѣдываемая въ этомъ отношеніи нашими ретроградами, людьми отсталыми и мало просвѣщенными. Для нихъ литература есть источникъ великаго зла; для нихъ Гоголь и Бѣлинскій—развратители юношества, новѣйшіе же писатели и туго хуже. Естественно, что чѣмъ ретроградднѣе человѣкъ, тѣмъ дальше назадъ онъ простираетъ свое осужденіе, такъ что для иного Лермонтовъ и Пушкинъ суть тоже легкомысленные и безнравственные писатели, и т. д.

Совершенно въ обратномъ порядкѣ налагаютъ тѣнь осужденія на нашу литературу люди просвѣщенные и либеральные. Всего зловреднѣе для нихъ кажутся самые старые писатели: Ломоносовъ, Державинъ; затѣмъ, оцѣнка ихъ смягчается по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Но законъ и здѣсь тотъ же: чѣмъ просвѣщеннѣе и прогресивнѣе человѣкъ, тѣмъ дальше впередъ, тѣмъ ближе къ настоящей минутѣ онъ подвигаетъ роковую грань осужденія; есть такіе, для которыхъ эта грань уже захватываетъ Гоголя и Бѣлинскаго, а многіе подвинули ее и еще дальше.

Для нашихъ отсталыхъ людей, наша литература давно уже сбилась съ надлежащаго пути и колеситъ Богъ-знаетъ по какимъ трущобамъ; для нашихъ просвѣщенныхъ людей — она принялась за дѣло только со вчерашняго дня, а до тѣхъ поръ стремилась къ нелѣпымъ цѣлямъ и только сбивала людей съ толку. Такимъ образомъ, результатъ одинъ: литература наша признается никуда негодною, въ ней отрицается всякій прогресъ, всякое живое начало, и каждый ея дѣятель подвергается одинаковому осужденію съ противоположныхъ сторонъ.

Какъ мы сказали, это дѣлаетъ великую честь литературѣ, ибо явно обнаруживаетъ ея силу, глубину и самостоятельность ея движенія. Ничего нѣтъ мудренаго, что ни наши ретрограды, ни наши прогресисты одинаково не понимаютъ дѣла, совершаемаго литературою; понятно также, почему они всячески преслѣдуютъ ее и унижаютъ: она имъ мѣшаетъ, заслоняетъ имъ свѣтъ.

Digitized by Google

Весьма интересно углубиться въ различныя проявленія этой вражды; ибо въ нихъ мы нашли бы указанія именно на тѣ черты нашей литературы, которыя не подчиняются узкимъ и одностороннимъ взглядамъ и особенно безпокоятъ враждующихъ. Мы думали здѣсь, въ видѣ примѣра, остановиться на краткомъ очеркѣ исторіи нашей литературы, который мы нашли въ книгѣ: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» *), и который показался намъ весьма назидательнымъ.

Густою тѣнью покрыта въ этомъ обзорѣ дѣятельность всѣхъ нашихъ писателей, не исключая и Бѣлинскаго, и того послѣдняго періода нашей бельлетристики, къ которому относятся «Тургеневъ, Гончаровъ и прочіе писатели этой школы». Вотъ какъ характеризуется этотъ періодъ и эта школа: «Въ лучшихъ людяхъ уже созрѣла мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Но затѣмъ это была едвали не единственная ясно сознанная общественная идея этого времени; всѣ другія общественныя потребности вызывали въ «лишнихъ людяхъ» только темныя предчувствія, въ которыхъ они не могли дать себѣ отчета».

Если таковъ приговоръ надъ направленіемъ Бѣлинскаго и школою имъ воспитанной, то читатель легко представитъ, въ какомъ видѣ изображена дѣятельность предшествовавшихъ писателей. Она является въ высшей степени безплодною и ничтожною. Тѣнь положена такъ густо, что вовсе невозможно различить одного времени отъ другаго. «Новый періодъ русской новой литературы, говоритъ «Обзоръ», начинаютъ съ Карамзина и Жуковскаго». Но это конечно несправедливо, такъ-какъ, что же можно признать дѣйствительно новымъ въ этой постоянной игрѣ въ бирюльки? И въ самомъ дѣлѣ борьба, возбужденная «нововведеніями Карамзина и Жуковскаго», состояла вотъ въ чемъ: «сантиментальная изнѣженность одного и романтическій туманъ другого показались ересью приверженцамъ

*) Спб. 1865.

Digitized by Google

старой торжественной оды», т. е., какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, «наиболѣе ничтожной литературной формы». Одни пустяки смѣнились другими—вотъ весь смыслъ мнимаго наступленія новаго періода.

Но оставимъ отдѣльныя отрицательныя черты, такъ щедро разсыпанныя въ небольшомъ очеркѣ по всему поприщу нашей словесной исторіи, что много нужно бы времени, чтобы перебрать ихъ всѣ и взвѣсить надлежащимъ образомъ. Картина выходитъ туманная, безсвязная, въ которой ничего разобрать нельзя вслѣдствіе избытка темныхъ красокъ. Есть, однакоже, упрекъ, который повторяется очень часто въ этомъ очеркѣ, прилагается къ писателямъ различныхъ временъ и потому, какъ намъ кажется, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всю картину, нѣсколько связываетъ ея разрозненныя части. Именно, почти всѣхъ нашихъ главныхъ писателей «Обзоръ» завиняетъ—въ чемъ бы вы думали? — въ нѣкоторомъ славянофильствѣ. Такъ, о Фонвизинѣ сказано, что онъ «изъ чисто-славянофильскихъ тенденцій бранитъ Западную Европу». Весьма рѣзкій приговоръ надъ Карамзинымъ завершается словами: «Въ немъ были уже задатки настоящаго славянофильства». О Пушкинѣ, неоправдавшемъ надеждъ, поданныхъ имъ въ молодости, говорится: «Въ позднѣйшую эпоху дѣятельности у Пушкина начинаютъ выказываться вещи, которыя потомъ назывались славянофильствомъ». Съ Гоголемъ случилось то же самое; онъ тоже подчинился «вліянію извѣстныхъ тенденцій» и «вздумалъ поставлять читателю мнимые русскіе идеалы».

Преинтересныя замѣчанія! Авторъ, къ сожалѣнію, бросилъ ихъ вскользь и не замѣтилъ, что они сливаются въ нѣчто цѣлое. Открывъ столь важное явленіе, можно было бы прослѣдить его дальше; не отзывается ли славянофильство и у другихъ нашихъ писателей? Намъ кажется, слѣды его есть и у Лермонтова, и у Грибоѣдова, и у многихъ другихъ. Такимъ образомъ, славянофильство составляетъ, можетъ быть, общій характеръ нашей литературы—выводъ необыкновенно важный, еслибы онъ подтвер-

Digitized by Google

дился основательными изслѣдованіями. Если наша бѣдная литература имѣетъ какое-нибудь значеніе, то славянофилы, конечно, были бы въ правѣ гордиться подобнымъ открытіемъ; для нихъ было бы лестно убѣдиться, что каждый замѣчательный русскій писатель былъ болѣе или менѣе славянофиломъ, что если иные изъ нихъ въ началѣ шли по другому направленію, то подъ конецъ все-таки приходили къ тому же славянофильству.

Съ другой стороны, еслибы это было справедливо, то стало бы совершенно понятно, почему люди иныхъ убѣжденій смотрятъ такъ неблагосклонно на исторію русской литературы, не признаютъ въ ней никакой жизненности и отрицаютъ значеніе нашихъ писателей. Если каждый изъ дѣятелей, создавшихъ нашъ языкъ и нашу литературу, былъ болѣе или менѣе славянофиломъ, то люди, для которыхъ славянофильство — соблазнъ и безуміе, не могутъ признавать за этой литературой живого содержанія и живого развитія.

Итакъ, вотъ еще черта глубины и самостоятельности нашей литературы. Ея содержаніе, ея стремленія и задачи гораздо обширнѣе и важнѣе, чѣмъ думаютъ многіе цѣнители; западники находятъ ее славянофильской, славянофилы западнической; но она ни то, ни другое.

На прощанье мы желаемъ поздравить читателя съ тѣмъ оживленіемъ литературной дѣятельности, которое предстоитъ въ наступающемъ году. Появляются новые журналы, старые обновляются. Пусть гг. фельетонисты, упрекавшіе насъ за твердую увѣренность въ безостановочномъ развитіи нашей литературы, сознаются теперь, какъ они были неправы. Блистательное превращеніе, совершающееся въ настоящую минуту, не показываетъ ли, что мы обильны силами, стремленіями, дѣятельностію? Какъ только явился случай, представилась возможность, цѣлые ряды умственныхъ дѣятелей выступили на общественное поприще и, нѣтъ сомнѣнія, новыя, свѣжія, живыя мысли польются непрерывнымъ потокомъ. Фельетонисты должны съ слѣдующаго года прекратить свои рыданія и жалобы

Digitized by Google

на пустоту и безплодіе журналистики; эти строгіе судьи не будутъ уже смотрѣть на журнальныя книжки съ своимъ обычнымъ высокомѣріемъ; напротивъ, будутъ приступать къ нимъ съ почтеніемъ и жаждою просвѣщенія; каждый фельетонъ ихъ теперь можетъ начинаться словами: «при томъ блестящемъ положеніи, въ которомъ находится наша журналистика, при обиліи оригинальныхъ и полныхъ интереса явленій въ этой области, мы затрудняемся» и пр.

Такъ идутъ дѣла въ нашей литературѣ. Пусть теперь читатель самъ рѣшаетъ: признакъ ли это дѣйствительнаго богатства, или признакъ нѣкоторой бѣдности нашей литературы? Наступаетъ ли то новое, что́ мы пророчили въ нашихъ замѣткахъ, или это будетъ только повтореніе стараго?

1867 г. 22 дек.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN 5 '60 H

OCT 4 '62 H

APR '64 H

JUL 2 1966 ILL

CANCELLED

MAY 11 1974 H

Digitized by Google

Digitized by Google